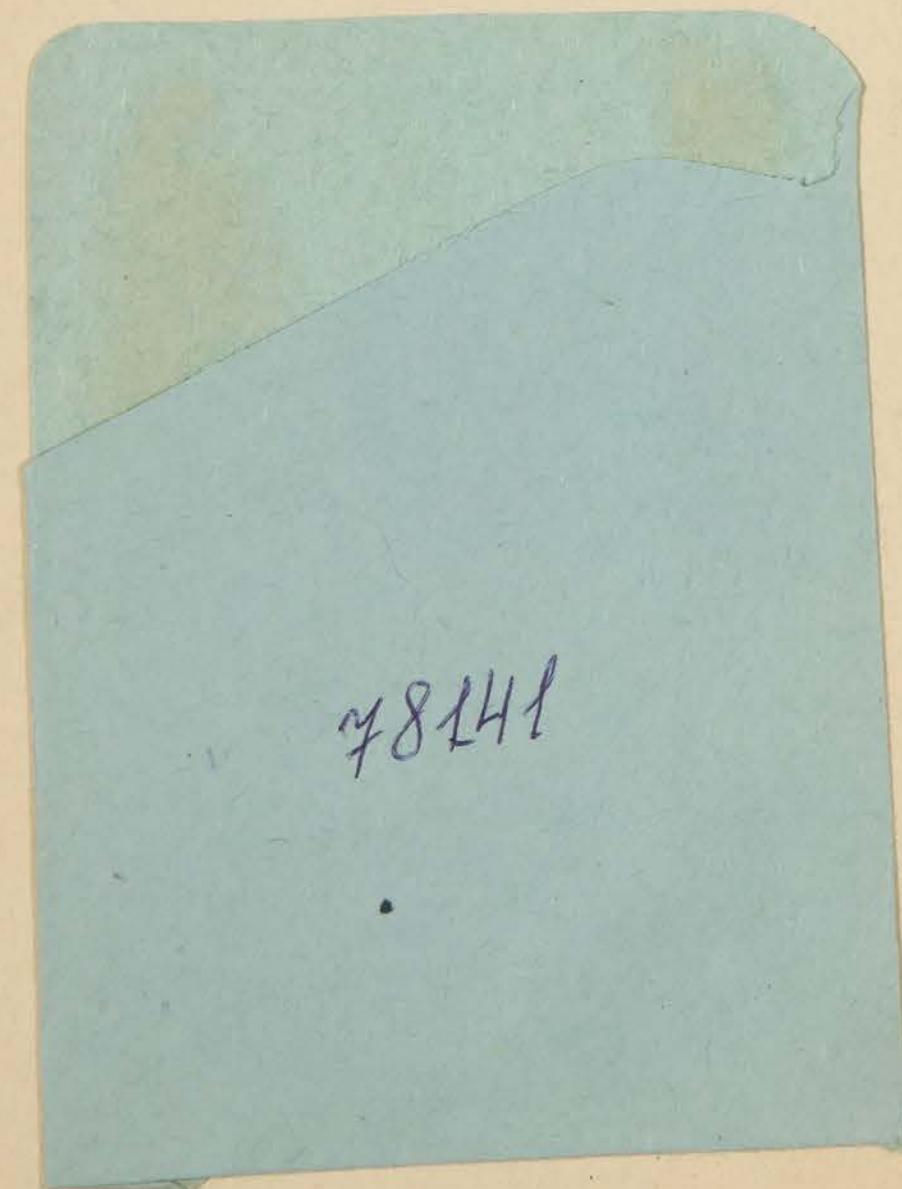
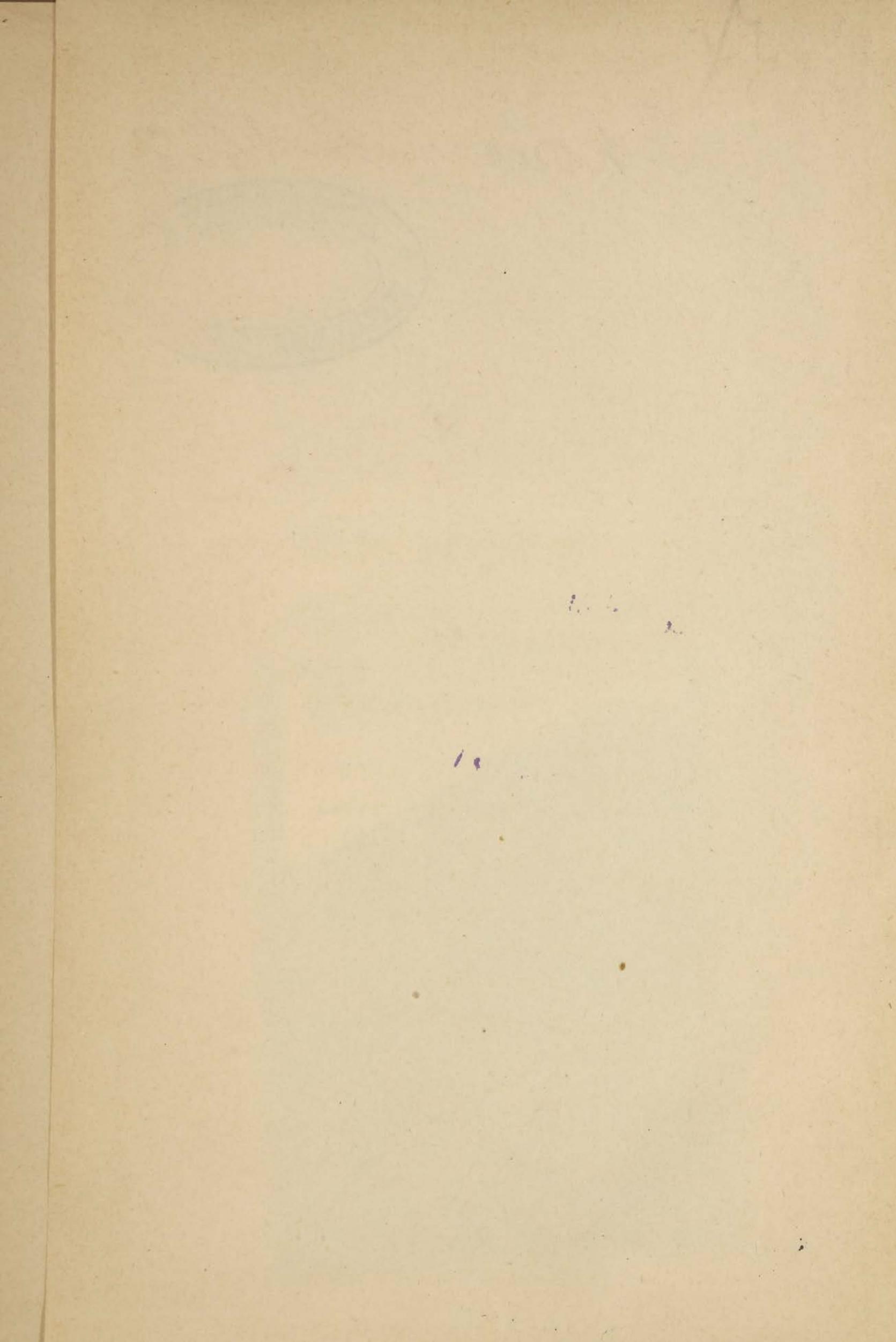

13607

13608

Гкошашем. 1858

13608

АКСЕ
К + А.

О РАЗВИТИИ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ВЪ АНГЛІИ.

39

СБРАЗОВА НКО ВІДР

К

78141

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

сь тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 3 іюня
1858 года.

Цензоръ А. Фрейганіз.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,
на углу Вознесенского и Екатерингофского проспектовъ, въ домѣ Ляя.

1858.

О РАЗВИТИИ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ВЪ АНГЛІИ.

Be to its faults a little blind.
Be to its virtues very kind.

(Pope).

Съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшіе народы дошли до степени богатства и благосостоянія, неизвѣстной городамъ древняго міра и среднихъ вѣковъ; особенно съ тѣхъ поръ, какъ замѣтили, что богатство есть основаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрило относительного и абсолютнаго могущества государствъ, — многое было писано учеными о причинахъ, производящихъ это богатство, о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя ускоряютъ его возрастаніе, и тѣхъ законахъ, которымъ подчиняется его распределеніе и потребленіе, наконецъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя должны оказывать вліяніе на его ходъ и постоянно его увеличивать.

Этотъ предметъ, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ политической экономіи, былъ рассматриваемъ со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ точекъ зреенія. Множество сочиненій, изданныхъ въ Англіи, Германіи и Италіи, изъ которыхъ болѣшая часть имѣетъ рѣдкія достоинства, но все болѣе или менѣе полезны, бросили яркій

свѣтъ на эту область человѣческихъ знаній, показали
ея значеніе и важность въ ряду другихъ наукъ, и на-
конецъ поставили ее на первое мѣсто въ ряду наукъ
политическихъ.

Но сколько трудовъ, сколько неимовѣрныхъ усилій,
какой трудной борьбы съ предразсудками человѣства и
съ материаломъ самаго предмета, стоило свѣтлымъ
умамъ многихъ и многихъ вѣковъ, чтобы дать побѣду
духу надъ матеріею, истинѣ надъ ложью. Къ этой же-
лаемой всѣми истинѣ стремились всѣ экономические пи-
сатели почти всѣхъ народовъ западной Европы, и стре-
мились всевозможными путями. Каждый изслѣдовалъ
вопросъ съ своей стороны, смотрѣль на него своими
глазами, каждый, въ свою очередь, думалъ, что онъ
достигъ уже вождѣленной истины и торжествовалъ
свою побѣду; но появлялась новая система, новое уче-
ніе, и предыдущіе труды должны были уступать ему
почетное мѣсто. Тѣмъ не менѣе, неудача или непол-
ная побѣда не должна вызывать со стороны потомства
забвенія, а тѣмъ болѣе невниманія. Возвышенны и бла-
городны были побужденія, которыми руководствовались
эти писатели нашей науки; вина ихъ недостатковъ ле-
житъ во времени и намъ остается лишь благодарить за
ту частицу истины и свѣта, которую и они внесли въ
дѣло. Притомъ же, каждый изъ нихъ дѣлалъ шагъ впе-
редъ, каждый своимъ существомъ и своею дѣятель-
ностью обусловливалъ существованіе и дѣятельность
преемника, и каждый приводилъ общую задачу все
ближе и ближе къ концу.

Многое уже сдѣлано для достижени¤ этой истины, мно-

го благородныхъ силъ потрачено, и въ области политической экономіи мы чувствуемъ въ настоящее время нѣкоторую твердую почву. Она претерпѣла однако же столько перемѣнъ, что мы могли бы усомниться въ томъ, что достигли ли мы дѣйствительно твердыхъ результатовъ, не подвергнется ли и наше ученіе новымъ перемѣнамъ. Но при сравненіи предыдущихъ системъ и учений съ настоящимъ взглядомъ на науку, мы можемъ видѣть, что въ настоящее время, въ наукѣ нѣтъ уже той прежней шаткости, нѣтъ прежней неопределѣленности. Сравнимъ, напримѣръ, самое опредѣленіе науки, какъ мы его понимаемъ и какъ понимали его меркантилисты, физіократы, Скарупи, Монъ, Сюлли, Тюрго и мы увидимъ, что опредѣленіе нашего времени гораздо болѣе выдерживаетъ здравую критику. Возьмемъ опредѣленіе источника богатства, какъ его понимали Вилліамъ Петти, Вобанъ, физіократы, Гальяни; тѣхъ, которые искали его въ металлахъ, въ запретительной системѣ, съ тѣмъ опредѣленіемъ Адама Сміёа, котораго и мы держимся въ главныхъ его основаніяхъ, и получимъ тотъ же результатъ.

Вообще можно сказать, что сравненіе системъ, въ разное время господствовавшихъ въ области этой науки, бросаетъ яркій свѣтъ на политическую экономію и заставляетъ провидѣть цѣль, къ которой она должна стремиться. Многое еще неполно, и нельзя сказать, что въ иныхъ частяхъ наша наука не наполнена гипотезами; многія опредѣленія неточны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ писатели не всѣ согласны между собою. «Пока еще», говорить Блянки, «будутъ существовать ты-

сячи, которые среди общества, богатого машинами и капиталами, будут лишены самого необходимаго для жизни, задача политической экономіи еще не будетъ исполнена. Обязанность цивилизациі, подобно солнцу, одинаково охранять и покрывать богатаго и бѣднаго, сильнаго и слабаго, жителей городовъ и жителей сель. Задача политической экономіи указать цивилизациі мѣры, для того, чтобы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе распространять благодѣяніе общаго довольства.»

Но сколько уже сдѣлано! нѣтъ почти науки, которая передъ собою имѣла бы такую широкую будущность и для которой можно было бы предвидѣть такое обширное развитіе, которая содержала бы въ себѣ столько жизненныхъ элементовъ. Каждый вѣкъ въ жизни человѣчества вызываетъ множество новыхъ вопросовъ; каждое, можно сказать, поворотное событие рождаетъ ихъ. Но какая сфера народной жизни можетъ представлять намъ столько живыхъ вопросовъ въ будущности, какъ сфера его богатства? и каждому вопросу суждено, можетъ быть, сдѣлать новый поворотъ въ науку политической экономіи, и вызвать новую дѣятельность ученыхъ.

Междуд народами, въ послѣднее время прославившимися на поприщѣ политической экономіи, безъ сомнѣнія первое мѣсто принадлежитъ заслугамъ Англичанъ. Ни одинъ народъ не обработалъ такой массы материала, ни одинъ не превосходитъ Англичанъ въ глубинѣ изысканій, въ зрѣлости и основательности мыслей и сужденій, и въ глубокомъ изученіи историческихъ оснований явлений. Вслѣдствіе долгаго, многовѣковаго тру-

да, образовалась такимъ образомъ у нихъ экономическая литература, лишенная, можетъ быть, легкой и привлекательной формы, но превосходящая литературу всѣхъ народовъ богатствомъ матерьяла и мыслей новыхъ и оригинальныхъ. Это богатство англійской литературы политической экономіи дѣлаетъ ее необычайно привлекательною для каждого мыслящаго человѣка. Всякій, кто хотя бы только не много и поверхностно занимался экономической наукой, съ пріятнымъ чувствомъ обращается прежде всего къ Англійской политической экономіи и въ ней находитъ неистощимый источникъ познаній.

Предпринимая сказать нѣсколько словъ о развитіи политической экономіи въ Англіи, я сперва изложу *общій ходъ и главныя фазы исторіи политической экономіи въ этой странѣ*, потомъ перейду къ тѣмъ *причинамъ, которыя обусловливали въ Англіи такое богатое и разнообразное развитіе этой науки*, и наконецъ постараюсь, по возможности, вкратцѣ *показать развитіе въ Англіи нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ и отдельовъ политической экономіи*, вопросы, которые были вызваны многими особенностями исторіи этого народа и его учрежденій.

I.

Начало дѣятельности англійской націи на поприщѣ науки политической экономіи восходитъ къ первой половинѣ XVI столѣтія. Направленіе ея всегда отличалось тою практичесностью взгляда, тѣмъ здравымъ смысломъ

ломъ, которымъ отличается англійскій умъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Не англійской политической экономіи принадлежитъ меркантильная система, какъ думаютъ многіе, но она впервые показалась на почвѣ Франціи. Первые, главнѣйшіе изъ физіократовъ также родились и дѣйствовали на французской почвѣ и среди французской націи, націи долго остававшейся почти исключительно земледѣльческою. Англіи и великому Адаму Смию принадлежитъ болѣе здравая система, до сихъ поръ сохранившаяся въ наукѣ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, а ему предшествовалъ цѣлый рядъ писателей, постоянно прокладывавшихъ путь. Рѣдко англійскіе политico-экономы вдавались въ крайности и увлекались односторонними теоріями подобно писателямъ другихъ націй, и если бросить хотя бѣглый взглядъ на литературу англійской политической экономіи XVI, XVII, и XVIII вѣковъ, то видимъ, что въ мысли почти всѣхъ писателей этихъ столѣтій, лежали тѣ основанія и правила науки, болѣе или менѣе высказанныя, которыя съ такою рѣдкою проницательностью и такимъ глубокимъ взглядомъ на явленія человѣческой общественной жизни были высказаны Адамомъ Смию и произвели всемирный переворотъ въ исторіи политической экономіи всѣхъ націй. — Эти раннія мысли, родившіяся, но несозрѣвшія въ умахъ этихъ людей, заглохли и забыты, Адамъ Смиѣ затмилъ своимъ блескомъ всю предыдущую дѣятельность англійской политической экономіи; но — въ сердцевинѣ сѣмени не должны ли мы искать начала, генезиса будущаго статнаго дерева или прелестнаго цвѣтка? Из-

ученіе этихъ писателей содѣйствовало, безъ сомнѣнія, развитію свѣтлой мысли въ самомъ Адамѣ Смієѣ, и ихъ дѣятельность служила уже залогомъ дѣятельности этого мыслителя. Но не только мысли великаго Адама Смита находять себѣ первое проявленіе въ англійскихъ политическихъ экономіяхъ, предшествовавшихъ создателю настоящихъ правилъ и законовъ этой науки, но здѣсь должно искать начала всѣмъ тѣмъ ученіямъ, которые впослѣдствіи имѣли большое вліяніе на судьбу науки. Въ это время Уилліамъ Петти положилъ основаніе политической ариѳметики, — великой науки, которая не мало способствовала тому, чтобы дать англійской политической экономіи перевѣсь надъ развитіемъ ея во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Въ сочиненіяхъ писателей, излагавшихъ правила и основанія колонизаціи, въ трудахъ Кольпепера, Чайлъда, Раляга; наконецъ въ сочиненіяхъ Франклина, О. Шорта, Прайса можно легко прослѣдить начало и постепенное развитіе великой мысли Мальтюса. Каждый изъ писателей этихъ столѣтій, предшествовавшихъ болѣе обширному развитію политической экономіи въ Англіи, обрабатывалъ нѣсколько отдѣльныхъ, иногда даже разнообразныхъ частей этой науки, въ одно время; тогда, — какъ всегда это бываетъ, когда еще цивилизація и наука не получили достаточнаго развитія, — не было между политическими экономическими и — вообще между учеными — того раздѣленія труда, которое мы замѣчаемъ теперь. Въ настоящее время, какой нибудь ученый, занимаясь тою или другою наукой исключительно, беретъ или цѣлую эту на-

уку, или даже часть ея, и старается изучить и обработать ее. Въ то время ученые не довольствовались одною частью науки или даже одною наукю, но изучали и обрабатывали нѣсколько наукъ въ одно время. Оттого мы видимъ, что, при небольшомъ численномъ количествѣ писателей по части политической экономіи, они однако оставили намъ довольно большое количество самыхъ разнообразныхъ трудовъ; оттого же тѣ части науки, которая впослѣдствіи совершенно разошлись и каждая была обрабатываема цѣлымъ рядомъ отдельныхъ писателей, здѣсь насчитываютъ нерѣдко однихъ и тѣхъ же дѣятелей. Такъ напримѣръ Кольпеперъ, Чайлдъ, Ралегъ, Норѣ, Локкъ являются основателями различныхъ учений о законахъ торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то Локкъ, Норѣ писали объ финансахъ и монетѣ; другіе, какъ-то Ралегъ Чайлдъ, занимались вопросомъ колонизациіи и вмѣстѣ съ тѣмъ писали о налогахъ и процентахъ; а Локкъ какъ известно, кроме дѣятельности политico-экономической, пріобрѣлъ немалозначительную известность въ области наукъ философскихъ. Юмъ, который не мало содѣствовалъ развитію Политической Экономіи, известенъ во многихъ сферахъ умственной дѣятельности. Но съ этою замѣчательною чертою политическихъ экономовъ до-смитовскаго времени, соединялась весьма важная невыгода, которая, безъ сомнѣнія, имѣла большое влияніе на историческій ходъ развитія этой науки. Эта невыгода заключается въ томъ, что, вмѣстѣ съ такою разносторонностью, труды этихъ дѣятелей, нерѣдко очень ларовитыхъ, должны были носить характеръ памфлети-

ческій, — мысли, которые были ими высказываемы, не рѣдко очень оригинальныя, новыя и свѣтлыя, однако же были высказываемы въ небольшихъ сочиненіяхъ, не находившихся одно съ другимъ ни въ какой послѣдовательной связи. Сами сочиненія эти, большою частью, были небольшаго объема и потому весьма часто мысль, брошенная вскользь, хотя даже свѣтлая и неожиданная, не находила себѣ достаточнаго развитія, не была доказываема фактами, и потому не могла принести настоящей пользы въ наукѣ, и не могла оказать большаго вліянія на современное общество и на самое развитіе науки политической экономіи. Отсюда можно объяснить то явленіе, что до Адама Смію собственно не было ни одного полнаго систематического сочиненія обо всей наукѣ политической экономіи. Знаменитые дѣятели, какъ-то: Локкъ, Норѣ, Петти, Юмъ, Токкеръ, Бэконъ, Франклайнъ, Гоббесъ, Монъ, Чайлдъ и другіе обрабатывали отдельныя части и притомъ нѣсколько отраслей этой обширной науки въ одно время, но ни одинъ изъ нихъ не писалъ полнаго сочиненія съ известною определенною системою. Эта послѣдняя заслуга вполнѣ принадлежитъ Адаму Смію. Таково было, въ общихъ чертахъ, направленіе старой англійской политico-экономической школы, продолжившейся до второй половины XVII столѣтія; — отсюда начинается новая эпоха въ развитіи нашей науки въ Англіи.

Юмъ стоитъ какъ бы на рубежѣ двухъ эпохъ, онъ съ одной стороны по самому характеру своей дѣятельности принадлежитъ къ первой эпохѣ; а между тѣмъ

по самому предмету своихъ изслѣдованій, по непосредственной своей связи со Смитомъ можетъ быть причисленъ къ болѣе блестящей второй эпохѣ развитія англійской политической экономіи. Нисходя въ могилу, великий философъ благословлялъ Адама Смієа на новую дѣятельность на поприщѣ экономического знанія; а за четыре мѣсяца до смерти своей писалъ ему ободрительное письмо, по случаю выхода въ свѣтъ его великаго творенія; «Wealth of nations». Адамъ Смитъ первое свое экономическое образованіе получилъ изъ «Essays» Юма, которые можетъ быть и окончательно привлекли мысли великаго генія къ предмету политической экономіи. Но собственно первымъ систематикомъ былъ Адамъ Смієъ; онъ впервые соединилъ многія разрозненные части науки въ одно цѣлое; отрывочнымъ свѣденіямъ предшественниковъ далъ строгую систему, показалъ соотношеніе частей; и въ этомъ отношеніи его, по справедливости, называютъ создателемъ науки политической экономіи. Многія мысли, слабо и смутно высказанныя его предшественниками, нашли себѣ полное развитіе въ его трудахъ но еще большее количество свѣтлыхъ взглядовъ волнѣ одолжены своимъ бытіемъ великому мыслителю. — За Адамомъ Смієомъ идетъ другой великий писатель вѣка, — то былъ Мальтюсъ. Предшественники его на поприщѣ изысканія законовъ увеличенія и пропитанія народонаселенія сдѣлали гораздо менѣе для его теоріи, нежели предшественники Смитовы для дѣятельности послѣдняго. Изъ предшественниковъ Мальтюса всего болѣе замѣчательенъ Вен. Франклінъ (1751); но и этотъ

мало приготовилъ науку и общество къ восприятію учнія Мальтюса. Изысканія послѣдняго произвели сильное дѣйствіе на умы всей Европы, и новый вопросъ съ жаромъ былъ подхваченъ цѣлымъ рядомъ изслѣдователей. — Еще одинъ новый вопросъ былъ поднятъ въ политической экономіи четвертымъ великимъ изслѣдователемъ вѣка — Рикардо. Дѣйствительно, онъ первый обратилъ вниманіе на вопросъ о поземельной рентѣ; до него этотъ прееметъ, весьма важный въ англійскомъ народномъ хозяйствѣ, почти не былъ затронутъ. Лишь сочиненіе Андерсона (1771 *Inquiry into the nature of corn-laws*), заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе; но Рикардо первый далъ этому важному вопросу надлежащее мѣсто въ системѣ политической экономіи.

Такимъ образомъ, въ лицѣ этихъ четырехъ геніевъ англійская политическая экономія имѣла свой золотой вѣкъ отъ 1742 до 1834. — Юмъ, А. Смієъ, Мальтюсъ, Рикардо возвели ее на высшую точку процвѣтанія и находились между собою въ тѣсной связи. «Каждый поднималъ нить изслѣдованія почти совершенно въ томъ мѣстѣ, где предшественникъ оставлялъ ее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ разширялъ сферу науки всеобъемлющими и своеобразными изысканіями и притомъ не только по объему, но и глубиною и остроуміемъ методы.» ⁽¹⁾

(1) Такъ выражается обѣ этихъ писателяхъ Политической Экономіи пѣменскій писатель Рошеръ въ своемъ сочиненіи «*Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre*.»

Вследъ за этимъ вѣкомъ процвѣтанія политической экономіи въ Англіи наступаетъ время, не столь обильное геніями, какъ эпоха предшествовавшая, но тѣмъ болѣе богатое плодовитыми учеными и талантливыми писателями. Политическая Экономія сохраняется въ эту эпоху направленіе, данное ей великими нововводителями предшествовавшаго вѣка. Начала, открытая и высказанныя Адамомъ Сміюомъ, остались въ совершенней неприкосновенности; но они были разработаны, развиты новыми писателями; къ нимъ каждый изъ дѣятелей прилагалъ свой личный взглядъ, и такимъ образомъ мало по-малу возводили стройное зданіе науки. Ихъ вниманіе было обращено на разрешеніе множества частныхъ вопросовъ и каждая изъ отраслей экономической науки получила въ это время самое полное свое развитіе: кругъ политической экономіи разширялся все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ, мысли Мальтюса нашли себѣ полное развитіе въ твореніяхъ Голуина, Алисона, Садлера, Синіора, Фортина; — Вопросъ, однажды поднятый сочиненіемъ Рикардо, былъ изслѣдываемъ съ различныхъ сторонъ въ сочиненіяхъ Торренса, Тука, Мэкколлоха, Парнеля. Вопросъ о торговлѣ получилъ также новое быстрое развитіе въ твореніяхъ многочисленныхъ писателей, какъ-то: Госкисона, Брайта, Кобдена, Парнеля, Фомсона и другихъ. Вопросъ о банкахъ и государственномъ кредитѣ, уже давно известный въ исторіи политической экономіи въ Англіи, былъ разрабатываемъ съ особыеннымъ успѣхомъ послѣ Давида Рикардо, который этому отдалъ политической экономіи также даль сильный толчокъ:

известнейшими писателями въ этой отрасли науки: Торренсомъ, Тукомъ, Гильбартомъ, Лойдомъ, Мэк-Коллохомъ. — Вообще можно сказать, что новая эпоха въ исторіи англійской политической экономіи отличается самымъ полнымъ развитіемъ отдѣльныхъ частей науки и вмѣстѣ съ тѣмъ приведеніемъ ихъ въ одну систему. — Другая черта, характеризующая эту новую эпоху въ исторіи англійской политической экономіи заключается въ томъ, что начиная съ великаго Хоскисона вопросы экономические переходятъ отъ ученыхъ сочиненій и изъ кабинетовъ писателей въ парламентъ, и вскорѣ научные начала завладѣли всѣми сферами управления, и не одно благодѣтельное учрежденіе, не одинъ законъ Англіи обязаны своимъ существованіемъ и тою пользою, которую они принесли ей, настойчивости ученыхъ. Нерѣдко знаменитые политico-экономы были не только членами парламента, но даже стояли въ члѣнѣ правленія, и предводительствовали партіями. Кто, наконецъ, не знаетъ той политической борьбы, тѣхъ преній и переворотовъ, которые во второй четверти нашего столѣтія возбудила въ Англіи знаменитая лига ученыхъ политico-экономовъ противъ запрещенія ввоза хлѣбовъ (*anti corn law-league*): лига, которой начало было такъ скромно, а исходъ которой имѣлъ такой обширный объемъ?

Всльдъ за этимъ, нашему взгляду ясно открываются въ исторіи англійской политической экономіи три рѣзко другъ отъ друга отдѣленныя эпохи: 1) Отъ начала политической экономіи до Юма; эпоха, заключающая въ себѣ цѣлый рядъ талантливыхъ, но въ

настоящее время не столь извѣстныхъ тружениковъ науки, подготовившихъ путь Адаму Смиту и др. 2) Эпоха славы и блеска, обнимающая собою столѣтіе отъ 1742 года до смерти Ricardo. Это — эпоха основанія науки четырьмя великими ея законодателями. 3) Эпоха, наступившая со смерти послѣдняго изъ дѣятелей предыдущей эпохи, — эпоха полной разработки политической экономіи.

II.

Уже при бѣгломъ взглядѣ на ходъ развитія экономической науки въ Англіи нась естественно поражаетъ вопросъ: откуда такое богатство материала, такое раннее и притомъ такое стройное, систематическое развитіе этой науки, откуда столько преимуществъ передъ развитіемъ политической экономіи у другихъ народовъ? Гдѣ должно искать причины тому явленію, что эта нація, если не черезъ всѣ вѣка, то уже давно удержала за собою первую роль въ развитіи одной изъ величайшихъ наукъ? Отчего английскому государственному хозяйству не могутъ быть приписаны ошибки, которые повсегда въ долгія страданія многія миллионы населения европейскаго? Отчего въ ней нельзя искать первыхъ зародышей меркантильной системы; отчего въ ней не было такихъ тяжкихъ, бѣдственныхъ своими послѣдствіями, но отважныхъ попытокъ, какова система Ло? — Отчего напротивъ, ея мыслителямъ принадлежитъ слава величайшихъ и полезнѣйшихъ открытій въ сферѣ политической экономіи? Отчего именно здѣсь

въ Англіи эта наука пріобрѣла самыхъ талантливыхъ и самыхъ геніальныхъ своихъ дѣятелей, давшихъ ей основанія и правила, отъ которыхъ она не отступаетъ до сихъ поръ? Гдѣ, наконецъ, искать причины тому явленію, что эта нація нашла среди своего народонаселенія людей, которые покрыли страну ея сѣтью дорогъ и каналовъ; которые примѣнили пары ко всѣмъ отраслямъ промышленности, и вообще силы природы съумѣли покорить волѣ человѣка, и заставили служить *его* выгодамъ; которые подарили свой народъ бумаго-прядильною машиною и жѣлезною дорогою? Гдѣ искать начала, по которому Англичане основали свой государственный кредитъ на столь широкихъ основаніяхъ, что онъ послужилъ къ увеличенію народнаго богатства болѣе, нежели могъ бы послужить какой бы то ни былъ новый металлическій рудникъ?

Всѣ эти великія явленія дѣйствительно поражаютъ насъ при первомъ взглядѣ: они ярко обрисовываютъ Англію и выставляютъ на видъ ея преимущества. Но не такъ легко отыскать тѣ причины, тѣ внутреннія условія жизни, быта, экономического развитія и исторіи англійского народа, которые произвели эти явленія. Много условій физического міра, множество условій, лежащихъ въ глубинѣ народнаго англійского ума и духа, наконецъ много особенныхъ и признательныхъ событий англійской исторіи, выработавшихъ особенные, англійскому народу свойственные, учрежденія, должны были соединиться вмѣстѣ, чтобы произвести такое богатство политico-экономического развитія, чтобы сдѣлать Англію *классическою страною* этой науки.

Постараемся обозначить вліяніе этихъ разнообразныхъ условій на развитіе нашей науки въ Англіи.

Первое условіе физическое, имѣвшее вліяніе на образованіе особеннаго склада англійскаго ума, и потому и на развитіе нашей науки, есть островное положеніе англійской націи. Въ то время, какъ другіе народы Европы, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи, неизбѣжно, искони были подвержены частымъ и всегда гибельнымъ для ихъ благосостоянія столкновеніямъ, частнымъ нападеніямъ и опустошеніямъ, Англія, изолированная отъ остальной Европы, уже въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій не видала на берегу своеемъ непріятеля, и потому безпрепятственно могла постоянно продолжать мирное развитіе своей промышленности и торговли. Съ другой стороны это же островное положеніе, соединенное съ почти непостижимымъ развитіемъ береговой линіи, (одна Англія имѣетъ 18 большихъ военныхъ гаваней, 44 гавани для большихъ торговыхъ кораблей и 438 меньшихъ рейдовъ) ⁽¹⁾ было причиною ранняго развитія всемірной морской торговли, а послѣдняя необходимо наводила дѣятельность ума человѣческаго на изученіе ея законовъ и на приложеніе ея къ народному богатству. Эта всемірная торговля сдѣлалась вскорѣ однимъ изъ главныхъ источниковъ англійского богатства и могущества, и потому естественно было то явленіе, что политическая экономія рано обратилась въ Англіи къ изслѣдованію за-

(1) Nationalöconomische Bilder aus Englands Volksleben von Hermann Schultze. 1853 г. Jena in-12.

коновъ торговли, и сохранила это направлениe и до сихъ поръ. То же островное положеніе было причиною, особеннаго національнаго состава англійской націи. Къ первоначальнымъ Бритамъ, народу пастушескому, Англосаксы принесли свой отважный и предпріимчивый характеръ; къ нимъ, впослѣдствіи, на ладьяхъ приплывали изъ сосѣдней Даніи и изъ Швеціи Скандинавы, а съ противоположной стороны пришли Нормандцы. Эти разнородныя національности содѣйствовали къ образованію одного народа, и конечно вліяли на образованіе его характера и ума, который носить на себѣ рѣзкую печать германской положительности и глубокомысленности и нормандской предпріимчивости. Изъ этихъ элементовъ образовалась та практичность, та положительность англійской націи, которая и должна была содѣйствовать не только преимущественному развитію наукъ практическихъ, но и правильному и постепенному ихъ развитію.

Но гораздо важнѣе для развитія нашей науки тѣ историческія события, которые развили учрежденія, имѣвшія вліяніе на то или другое преимущественное направлениe науки въ Англіи. Происхожденіе и первое начало англійской политической экономіи относится къ тому времени, когда оканчивали свое существованіе средніе вѣка и наступало новое время; и настоящей политической экономіи предшествовала критика Томаса Мура. Слѣдующіе за тѣмъ 60 лѣтъ были почти бесплодны для нашей науки, религіозныя пренія и реакція должны были исключительно занять умы; но зато тѣмъ плодовитѣе было слѣдующее за этими 60 го-

дами время, когда колонизація съверной Америки вызвала въ литературѣ вопросы о причинахъ богатства новонаселяемыхъ странъ, о населеніи вообще, объ источникахъ богатства странъ и такъ далѣе. Политическія события XVII столѣтія должны были также вліять на политическую экономію и ея развитіе. Они дали ей совершенно новое направленіе. Они, во первыхъ, произвели въ Англіи то сближеніе съ Голландіею, которое, въ свою очередь, способствовало, какъ развитію внѣшней англійской торговли, такъ и появленію множества новыхъ учрежденій и общественныхъ требованій, на которыхъ должна была отвѣтить политическая экономія. Таковы были: предпочтеніе косвенныхъ налоговъ передъ прямыми, стремленіе къ вѣротерпимости, которую писатели и путешественники выставляли одною изъ главныхъ причинъ благоденствія Голландіи, понижение процентовъ и т. д. Во вторыхъ, эти события внутри Англіи послужили къ окончательному развитію и установленію такихъ общественныхъ учрежденій, которыхъ должны были послужить главнымъ условиемъ и основаніемъ англійского могущества, народнаго богатства и процвѣтанія въ странѣ этой наукъ и цивилизациі. Правленіе новой династіи дѣйствовало самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе наукъ, и въ особенностіи на развитіе политической экономіи, которая могла рано сдѣлаться популярною и пріобрѣсти вліяніе на государственные дѣла и законы: Новый толчокъ политической экономіи въ Англіи данъ былъ смѣлою попыткою Наполеона—отрѣзать Англію отъ континента,

и побудилъ англійскихъ экономистовъ къ усиленной дѣятельности.

Увеличить свое народное богатство и вмѣстѣ съ тѣмъ свое торговое могущество, было всегда однимъ изъ главныхъ стремлений и такъ сказать рычагомъ англійской политики. По особенному ли счастію англійской націи, или въ слѣдствіе ея здраваго смысла, постоянно ее характеризовавшаго черезъ всю ея исторію, она и на этомъ пути не впала въ крайности, какъ напримѣръ Колбертизмъ и Сюллизмъ во Франціи. Или вмѣстѣ съ Шэнномъ можно искать причину отсутствія этихъ противуположностей въ отсутствіи рѣзкаго различія между городскимъ и сельскимъ народонаселеніемъ⁽¹⁾. Англія дѣйствительно нашла истинный путь къ своему богатству: онъ заключается въ свободѣ торговли, соединенной съ свободою труда рукъ человѣческихъ. Потому этимъ самыемъ наукѣ о богатствѣ было предоставлено широкое поприще для изслѣдований: она свободно моглаходить отъ одного предмета изслѣдований къ другому, сохраняя въ характерѣ своего хода туже умѣренность, тоже отдаленіе отъ крайностей.

Это направленіе англійской политики, служитъ principio и тому явленію, что англійская политическая экономія оказывала сильное вліяніе на практическое рѣшеніе экономическихъ вопросовъ въ государствѣ. Она не увлеклась ложными ученіями утопистовъ и не

(1) Neue Untersuchungen der Nationalökonomie. (Seite 14.) Johann Schön. Berlin, in-8.

вовлекла Англію, подобно Франції, въ бурю страстей и борьбы; и когда западная Европа была потрясена и взволнована ударомъ февральской революціи, страна свободной торговли оставалась въ непоколебимъ спокойствіи. Англійская политическая экономія, благодаря спокойствію и силѣ своего развитія, произвела другіе перевороты, болѣе благодѣтельные для человѣчества. Она первая провозгласила, что правило свободы должно руководить и торговлею, и промышленностью; старые предразсудки не выдержали напора новыхъ идей и побѣжденные своимъ же оружіемъ должны были въ скоромъ времени уступить новымъ правиламъ политической экономіи, оказавшей свое столь могущественное влияніе на дѣла общественные и на англійскую политику.

Англійскій народъ глубоко созналъ истину словъ своего великаго мыслителя «knowledge is power» (знаніе составляетъ могущество) ⁽¹⁾. И потому нѣть науки, которая, если не самую богатую свою литературу имѣла въ Англіи, то, по крайней мѣрѣ, лучшихъ своихъ дѣятелей насчитывала въ числѣ англійскихъ ученыхъ. Тѣмъ болѣе должна была привлечь къ себѣ ихъ вниманіе наука, которой задача есть изслѣдованіе источниковъ народнаго богатства, этого первого родника англійского могущества. Оттого, какъ большая часть наукъ въ Англіи, такъ преимущественно и самая политическая экономія составляетъ досто-

⁽¹⁾ Эти замѣчательныя слова сказалъ великий Бэконъ (Bacon) Веруламскій.

яніе всѣхъ классовъ; ея область не ограничивается кабинетнымъ изслѣдованіемъ, но переходитъ въ болѣе обширную сферу общенароднаго сознанія и политики. Истины и правила ея сдѣлались присущи сознанію, какъ государственного человѣка, такъ и простаго фермера, и равно руководятъ дѣйствіями, какъ всего народа и государства, такъ и каждого частнаго гражданина; — черта, которая въ свою очередь должна была очень много содѣйствовать богатому развитію этой науки и увеличить число ея дѣятелей.

Въ слѣдствіе, наконецъ, практическости англійскаго народнаго ума, въ слѣдствіе его постояннаго стремленія къ могуществу черезъ богатство и познаніе, онъ рано получилъ стремленіе къ тому, чтобы въ изученіи каждой науки обращать преимущественное вниманіе на приложеніе ея къ практикѣ. Этимъ легко объясняется преимущественное развитіе и процвѣтаніе въ Англіи естественныхъ наукъ, наукъ математическихъ и камеральныхъ, какъ такихъ, которые всего болѣе поддаются этому практическому приложенію. Тойже практической стороны искали Англичане и въ политической экономіи, что, безъ сомнѣнія, способствовало ея богатому развитію въ этомъ народѣ, что содѣйствовало и тому, что она такъ рано сдѣлалась въ Англіи популярною, потому, наконецъ, что она безъ борьбы завладѣла умами всѣхъ и такъ скоро возвысилась на степень науки, руководствующей дѣйствіями правительства. Явленія, изъ которыхъ каждое опять же въ свою очередь содѣйствовало болѣе и болѣе блестящему развитію науки.

Почти баснословное развитіе торговли и промышленности, богатство народа, обширность государственаго долга, обладаніе колоніями и землями во всѣхъ почти климатахъ и во всѣхъ странахъ свѣта, — всѣ эти явленія и условія рано должны были побудить къ основательному разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, касающихся политической экономіи.

III.

Обозначивъ общій ходъ развитія политической экономіи въ Англіи, объяснивъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ причинъ, обусловливавшихъ развитіе нашей науки въ этомъ народѣ, перейдемъ теперь къ изложению нѣкоторыхъ изъ главныхъ вопросовъ, возникшихъ въ политической экономіи Англіи въ различныя времена, и постараемся показать, какъ они были решаемы. Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы представить нѣсколько фактическихъ примѣровъ того богатства англійской политico-экономической литературы, которое открывается въ разрѣшеніи даже самыхъ небольшихъ и малозначительныхъ вопросовъ и отдельовъ этой науки. Здѣсь представимъ вкратцѣ судьбу лишь только главнѣйшихъ изъ этихъ вопросовъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ въ исторіи англійской политической экономіи былъ вопросъ о колонизации. Англія хотя позднѣе другихъ народовъ вступила на поприще географическихъ открытій и новооткрытыхъ странъ; но за то, тѣмъ славнѣе была ея дѣятельность. И на этомъ попришѣ ей не измѣнилъ ея

практическій умъ, ея дальновидная политика; не имъ ли она обязана тѣмъ, что колоніи Испанцевъ, Португальцевъ, Датчанъ, Голландцевъ почти не существуютъ, а Британскія острова владѣютъ сотнями миллионовъ народонаселенія почти во всѣхъ частяхъ свѣта? Причина этому явленію лежитъ въ томъ, что Англичане не слѣдовали примѣру другихъ европейскихъ колонизаторовъ, и подобно Испаніи и Португаліи не изнуряли несчастныхъ туземцевъ, чтобы удовлетворить своей алчности золота. Они искали источника богатства Америки не въ рудникахъ, но въ честномъ трудѣ и разработкѣ дикой страны, въ насажденіи цивилизaciи. Изъ ея колоній вышли цвѣтущія поселенія Европейцевъ и со временемъ Сѣверо-американская штаты. Наука шла рядомъ съ дѣятельностью англійской политики, и дѣятельность послѣдней поддерживалась политико-экономами, писавшими о колонизаціи и обсуждавшими ея правила и законы.

Дѣятельность англійскихъ политico-экономовъ въ сфере вопроса о колонизаціи была вызвана во второй половинѣ XVI столѣтія нѣкоторыми открытиями англійскихъ мореплавателей въ сѣверной Америкѣ, и нѣкоторыми попытками колонизаціи этихъ новооткрытыхъ странъ. Сюда принадлежитъ дѣятельность нѣкоторыхъ замѣчательныхъ писателей XVI вѣка, какъ-то: Гомфреа Гильберта, Ричарда Гаклюйта, Пеккама, Кептена Карллейля (1583), Томаса Гаріота, неизвѣстнаго автора книги *Virginias Verger*, и наконецъ великаго двигателя всей тогдашней англійской колонизаціи Сэра Вальтера Ралига (1552 — 1618). Изъ сочиненій этихъ .

писателей мы видимъ, что характеръ англійской колонизаціи былъ совершенно противуположенъ характеру колонизаціи испанской и португальской. Мы видимъ, что въ Англіи не играла ни малѣйшей роли эта жажда золота, руководствовавшая дѣйствіями послѣднихъ; что Англія при колонизаціи какой-либо страны преимущественно обращала вниманіе на выгоды торговыя, на отысканіе удобныхъ для торговли гаваней и выгодныхъ для поселенія мѣстъ. Въ описаніи той или другой страны они прежде всего указываютъ на тѣ отрасли промышленности, которыя могли бы привиться въ ней. Такъ говоря о Ньюфундландѣ Гильбертъ выставляетъ выгоды рыбной ловли; такъ авторъ книги «virginias verger» говоритъ о плодородіи страны, объ удобствѣ ея для садоводства, винодѣлія и хлѣбопашства; онъ даже громко проповѣдуетъ противъ искателей золота, и въ подтвержденіе своего мнѣнія выставляетъ изъ Библіи тѣ мѣста, гдѣ источникомъ счастія и благоденствія людей называются мирныя земледѣльческія работы; наконецъ тоже находимъ мы въ инструкціи Гаклюйта, данной имъ нѣкоторымъ изъ лицъ, провожавшихъ Мартина Форбишера въ его путешествіи для открытия сѣвернаго проѣзда. Другой пунктъ, единогласно выставляемый всѣми этими писателями, есть возрастающая бѣдность и густота населенія Англіи, и страшное съ каждымъ годомъ увеличивающееся количество праздношатающихся, которые съ каждымъ годомъ умножаютъ число преступниковъ. Вѣроятно причиною увеличившейся бѣдности было вздорожаніе средствъ жизни, начавшееся съ половины XVI

столѣтія, фактъ о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ современники ⁽¹⁾. Ралейгъ же, котораго выраженія объ увеличившейся густотѣ англійскаго населенія напоминаютъ намъ Мальтюса, выставляетъ причину этой бѣдности маіоратства и огромное, отсюда происходящее, количество младшихъ братьевъ и сыновей, совершенно лишенныхъ всякихъ средствъ пропитанія. Карлейль, говоря о множествѣ промысловъ и занятій, представляемыхъ новыми и необработанными странами для праздной и беспомощной части англійскаго народонаселенія, выставляетъ колонизацію, какъ дѣло христіанской обязанности.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, вопросъ о колонизаціи былъ не только затронутъ англійскими экономами, но направленіе англійской колонизаціи уже сказалось и решениемъ этого вопроса. Политико-экономы Англіи показали всѣ преимущества и весь характеръ развитія англійской націи. Колоніи уже въ эту раннюю пору являются мѣстомъ сбыта ея промышленности, и средствомъ къ избѣжанію слишкомъ быстрого увеличенія народонаселенія. Въ началѣ XVII столѣтія можно считать Бэкона Веруламскаго довершителемъ тѣхъ теорій, которые были заложены въ своихъ основаніяхъ предшествующими теоретиками конца XVI столѣтія. Въ колоніальной системѣ Бэкона вполнѣ отражаются всѣ характеристическія черты англійскихъ колонистовъ.

⁽¹⁾ Смотри Blanqui «Histoire de l'Economie politique» — объ епископѣ Латимерѣ.

Ралігъ былъ еще немного пристрастенъ и склоненъ къ колоніи, основанной для добыванія золота, но Бэкона, въ основаніяхъ своей колоніальной теоріи, уже совершенно противуположенъ Испанцамъ. Онъ даже полагаетъ первымъ условіемъ для основанія колоніи въ той или другой странѣ ея совершенную дикость и отсутствіе всякаго прежняго населенія; далѣе онъ отсовѣтуетъ заселять колонію преступниками, но напротивъ совѣтуетъ населять ее всякаго рода здоровыми рабочими и земледѣльцами. Въ числѣ другихъ вѣрныхъ совѣтовъ онъ также совѣтуетъ производить въ колоніи табакъ, хлопчатую бумагу и вывозить строевой лѣсъ, смолу и др. сырья⁷ произведенія. Напротивъ, онъ положительно совѣтуетъ избѣгать рудокопства, какъ промысла опаснаго и невѣрнаго по своимъ результатаамъ.

Смуты, поколебавшія Англію въ продолженіи первой половины XVII столѣтія, совершенно отстранили отъ вниманія Англичанъ вопросъ о колонизації. Но когда, по возстановленіи Стюартовъ, торговля Англіи, побуждаемой перенять у Голландцевъ великий секретъ ихъ могущества, разомъ возрасла до огромныхъ размѣровъ, то и вопросъ о колонизації привлекъ къ себѣ общее вниманіе съ новою силою. Но теперь этотъ вопросъ тѣсно соединился съ вопросомъ о всемірной англійской торговлѣ. Англія пустилась на новое поприще соперничества съ Франціею и Голландіею, а именно въ Индіи. Въ 1611 году въ Суратѣ была основана небольшая факторія Остъ-индской компаніи; въ продолженіи XVII вѣка были основаны еще двѣ въ

Бомбэй и Мадрасъ, а въ концѣ XVIII стол. Англія владѣла всею почти Индіею. Отъ могущества Франціи оставались едва замѣтные слѣды, а голландскія поселенія почти уже не существовали. То была новая, блестящая эпоха англійской колонизаціи, которая должна была привлечь къ себѣ вниманіе англійскихъ политico-экономовъ. Съ этою новою колонизаціею соединился вопросъ о системѣ торговли, — вопросъ, который былъ причиною долгаго колебанія мнѣній. Этотъ рядъ писателей, занимавшихся индійскою колонизаціею, начинается знаменитымъ Томасомъ Мономъ, который въ своемъ сочиненіи «a Discourse of Trade» (1609) излагаетъ первыя основанія торговаго баланса, вполнѣ развитаго имъ уже впослѣдствіи. Онъ старается показать выгоды индійской торговли для Англіи, и потому допускаетъ даже вывозъ туда драгоценныхъ металловъ. Гораздо слабѣйшую защиту индійской торговли находимъ въ сочиненіи: «The defence of East Indian trade by sir Dudley Digges». Далѣе за нѣсколько лѣтъ до начала XVIII стол. господствовалъ долгій споръ въ наукѣ между ея дѣятелями касательно ввоза въ Англію индійскихъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій. Тѣ, которые желали препятствовать этому ввозу, какъ всегда, прибѣгали къ общеупотребительнымъ доводамъ: они утверждали, что этотъ ввозъ причиняетъ вредъ англійскимъ мануфактурамъ и разоряетъ государство. Негоціанты, которыхъ интересы были затронуты этимъ вопросомъ, возражая своимъ противникамъ, не могли не затронуть самыхъ основаній противоположнаго мнѣнія и утверждали, что возможность пріобрѣсти извѣст-

ный, тотъ или другой предметъ найдешевѣйшимъ обра-
зомъ, всегда будетъ выгодна для государства. Въ этомъ
спорѣ лучшія и свѣтлѣйшія головы были за Индію:
такъ напр. докторъ Дэвенэнтъ и неизвѣстный авторъ
столь знаменитой брошюры «The advantages of East In-
dian trade to England, considered etc.» (1701), который
бросилъ лучъ свѣта на этотъ предметъ и ясно опредѣ-
лилъ всю выгоду индійской торговли для Англіи, и
который первый изложилъ законъ раздѣленія труда съ
необыкновенною ясностью (¹). Онъ говорить именно,
что индійская торговля содѣйствуетъ наибольшей де-
шевизнѣ товаровъ, и потому она должна быть выгод-
на, ибо, говорить онъ, оставляетъ болѣшее количество
рукъ для другихъ производствъ; во-вторыхъ, выгоду
индійской торговли онъ полагаетъ въ томъ, что она
внесетъ болѣе порядка въ англійскія мануфактуры,
ибо внесетъ въ нихъ раздѣленіе труда и болѣшее ко-
личество машинъ, что въ свою очередь улучшитъ и
удешевитъ производство. Не говоря объ остальныхъ,
назовемъ нѣкоторыхъ: Гамильтона, Робертсона, Ко-
леброука и въ XIX ст. сочиненіе: «History of Britisch
India» Джемса Милля.

Но въ то время, когда англійское соперничество да-
вало ей въ Индіи все болѣе и болѣе перевѣса надъ
противниками, общее вниманіе и въ политикѣ и въ на-
укѣ было возбуждено возникновеніемъ новаго вопроса—
объ отношеніяхъ сѣверо-американскихъ англійскихъ ко-
лоній къ метрополіи,—вопроса, которому суждено было

(¹) Macculloch Literature p. 99.

произвести необычайное движение въ умахъ Европы, и который долженъ былъ показать, что при всемъ могуществѣ Англіи, правила, руководствовавшія ея дѣйствіями, слишкомъ egoистичны и имѣютъ слишкомъ мало со-стоятельности, чтобы не подкопаться подъ самыя твер-дые основы англійского могущества. Дѣйствительно, вопросъ, впервые поднятый Сѣверо-американскими шта-тами, остается и до сихъ поръ нерѣшеннымъ. Англій-ская политика не перемѣнила своихъ отношеній къ колоніямъ, что мы видимъ и теперь въ Индіи. Без-престанно видимъ мы попытки частныхъ областей Ин-діи — разрѣшить этотъ вопросъ въ свою пользу, но не было еще этого единодушнаго возстанія, которое съ такимъ блескомъ разрѣшило этотъ вопросъ въ Аме-рикѣ въ пользу независимости юной націи. Рано или поздно, но индійская нація должна пробудиться отъ долгаго усыпленія и должна послужить новымъ дока-зательствомъ силы духа надъ силами материальными ⁽¹⁾. Но до сихъ поръ этотъ вопросъ есть тотъ червь, кото-рый постоянно гложетъ и подкапывается подъ самыя крѣпкія основы англійского могущества, несмотря на всю его видимую твердость.

Уже давно американскія колоніи страдали подъ тя-желою и жесткою рукою англійского владычества и свидѣтельствомъ тому служитъ цѣлый рядъ жалобъ, предшествовавшихъ окончательному взрыву Америки. Уже самыя заглавія болѣшей части этихъ сочиненій указываютъ на источникъ всѣхъ бѣдствій и золъ, —

(1) Писано до послѣднихъ событий. Ред.

излишнюю алчность Англичанъ, выражавшуюся въ тяжести пошлинъ, налагаемыхъ на колоніальныя произведения. Приведу главнѣйшія изъ этихъ сочиненій: «Groans of the Plantations; or a true account of their grievous and extreme sufferings by the many impositions on sugar. London 1669. (Жалобы плантаций; или вѣрное изображеніе страшныхъ страданій, испытываемыхъ ими вслѣдствіе большихъ пошлинъ на сахаръ). Другое: «Proposals, offered for the sugar planter's redress; and for reviving the Britisch sugar commerce. 1733. (Проектъ о вознагражденіи сахарныхъ плантаторовъ, для оживленія англійской торговли сахаромъ). Одно изъ лучшихъ сочиненій въ этомъ родѣ было: «The state of the sugar trade, showing the dangerous consequences, that must attend any additional duty on sugar. 1747. (Состояніе торговли сахаромъ, показывающее опасныя послѣдствія, могущія произойти отъ увеличенія пошлины на сахаръ) ⁽¹⁾. Сюда же можно причислить и историческій обзоръ судьбы англійскихъ сѣверо-американскихъ колоній — сочиненіе Догласа, котораго А. Смієвъ назвалъ «the honest and downright Dr. Douglass» (честный и прямой докторъ Догласъ). Направленіе всѣхъ этихъ сочиненій было одно и то же; всѣ они единодушно жалуются на тяжесть пошлинъ, возлагаемыхъ на произведенія колоніальныя и на пристекающее оттуда стѣсненіе торговли. Но ни часто повторяющіяся жалобы, ни жаркіе споры въ парла-

(¹) Macculloch Litterature p. 86.

ментъ не могли измѣнить англійской политики и не улучшили положенія колоній.

Наконецъ, въ половинѣ XVIII вѣка, попытка англійскаго правительства, обложить колоніи *податями*, попытка, имѣвшая исходомъ съверо-американскую войну, возбудила общее вниманіе ученыхъ и произвела множество сочиненій. Съ одной стороны, право метрополіи налагать на колоніи подати и управлять ея торговлею было горячо защищаемо; съ другой стороны, съ настойчивостью отвергали это право. Здѣсь замѣчательны сочиненія: Джонсона, Франклина, который предлагалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, чтобы американскія колоніи имѣли своихъ представителей въ парламентѣ; Гренвиля и многихъ другихъ. Самый замѣчательный изъ этихъ писателей былъ Прайсъ, написавшій «Two tracts on civil liberty and the war with America» (Два разсужденія о гражданской независимости и войнѣ съ Америкой), въ которыхъ онъ ясно доказываетъ, что подати не могутъ быть наложены на колоніи безъ представительства ихъ въ парламентѣ. Нѣкоторымъ значеніемъ и вліяніемъ на современную литературу вопроса о колонизаціи пользовалось также сочиненіе «History of colonization, applied to the present contest between Great Britain and her American Colonies by Mr. Barron» (Исторія колонизаціи, приложенная къ настоящему спору Великобританіи съ ея американскими колоніями, Баррона). Проф. Барронъ сilitся доказать историческимъ путемъ и колоніальною политикою древности, что всегда метрополіи налагали подати на колоніи свои, и этимъ хотѣлъ примирить американ-

скія колонії съ Англіею. Но вѣроятно увѣщанія Баррона оказались недовольно сильными и вражда вспыхнула. Во время войны мы имѣемъ отдельныя статьи Токкера, Вильямса Юнга, Эдвардса, но они менѣе замѣчательны.

Послѣ сѣверо-американской войны различные вопросы, поднимаемые въ парламентѣ въ теченіи XIX ст., вызывали каждый разъ болѣе или менѣе замѣчательныя статьи и сочиненія. Такъ, напримѣръ, предложеніе Ост-индской компаніи уравнять пошлины ость-индскаго и вестъ-индскаго сахара, предложеніе, которое было оспориваемо нѣсколько лѣтъ, и въ числѣ своихъ защитниковъ имѣло самаго Рикардо, и другія подобныя предложенія; наконецъ въ сороковыхъ годахъ система Уэкфильда (E. G. Wakefield Esq.) «New colonisation System» ⁽¹⁾, подала поводъ къ цѣлому ряду полемическихъ сочиненій. Эта новая система состояла въ томъ, что онъ предлагалъ наложить огромную цѣну на американскія колоніальныя земли, которыя прежде въ чрезмѣромъ количествѣ раздавались даромъ. И это для того только, чтобы препятствовать нѣкоторымъ невыгодамъ, произошедшемъ отъ излишней расточительности, съ которой англійское правительство даромъ раздавало земли въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ, какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ. Неосновательность этой мѣры очевидна, но однако же она была принята и осуществлена правительствомъ, что однако же до

(¹) Эта система колонизаціи изложена имъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ *England and America*, 1833. Macculloch literature, стр. 94.

сихъ поръ не привело къ другимъ послѣдствіямъ, кроме вредныхъ, для Англіи. Окончу этотъ обзоръ литературы вопроса о колонизаціи въ Англіи, сочиненіемъ «*Lectures on Colonisation and colonies.*» — Германа Мериволя, — объ которомъ Мэк-Коллохъ отозвался, что это лучшее сочиненіе объ этомъ предметѣ, существующее на англійскомъ языкѣ. ⁽¹⁾

Еще богаче и разнообразнѣе было развитіе вопроса о торговлѣ въ англійской литературѣ политической экономіи. Условія, частію физическія, а частію лежащія глубоко въ самомъ характерѣ націи, произвели то явленіе, что Англія издревле извлекала главныя выгоды свои изъ торговли. Потому наука политической экономіи естественно должна была обратиться преимущественно къ уясненію началъ торговли; направленіе, которое она сохранила и до сихъ поръ. Вотъ почему, рядомъ съ твореніями по части системы политической экономіи и по другимъ ея вопросамъ, мы видимъ цѣлый рядъ сочиненій о торговлѣ. Если не каждый политико-экономъ занимался этимъ вопросомъ исключительно, то по крайней мѣрѣ почти каждый касался его съ той или другой стороны, и каждый старался отвѣтить на вопросъ, постоянно остававшійся современнымъ.

Характеръ этихъ сочиненій нельзя назвать меркантилизмомъ, хотя между писателями были нѣкоторые защитники и этой теоріи; каковы напримѣръ Монъ, Дэвенентъ; но изъ-за нихъ нельзя оклеймить всю дѣя-

(1) Ibidem. — р. 95. b.

тельность англійской политической экономіи XVI, XVII и XVIII, столѣтій этимъ общимъ названіемъ. Напротивъ уже начиная съ 20-хъ годовъ XVII ст. были выработаны начала, которыя должны были повести къ установлению въ послѣдствіи болѣе здравыхъ законовъ торговли. Однимъ изъ такихъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій было: «The treasure of Trafficke» — by Льюиса Робертса. 1623. Это былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ умовъ, которые иногда нѣсколькими столѣтіями забѣгаютъ впередъ своимъ развитіемъ и высказываютъ истины, которыя, только много времени спустя, пріобрѣтаютъ гражданство въ наукѣ. Такова была истина свободнаго вывоза золота и серебра; истину, которую высказалъ Робертсъ въ своемъ сочиненіи. Тѣмъ же направленіемъ отличается мало извѣстное, но весьма замѣчательное сочиненіе неизвѣстнаго автора: «Великое счастіе Англи или разговоръ между довольнымъ и жалующимся Мэк-Коллохъ говоритъ о немъ, что онъ во многомъ опередилъ время, и что нѣкоторыя его мысли остаются до сихъ поръ непреложными. Онъ прямо доказываетъ выгоду вывоза за границу драгоцѣнныхъ металловъ; выгоду торговли съ Франціею, противъ которой тогда писалъ Фортрей; выгоду обилія товаровъ разнаго рода на какомъ-либо рынкѣ. Сюда принадлежитъ знаменитый Монъ, который хотя и считается основателемъ теоріи торговаго баланса, ложной въ своихъ основаніяхъ, но все таки отличается многими довольно вѣрными принципами, и въ особенности онъ противился всякимъ принудительнымъ мѣрамъ и ограниченіямъ въ торговлѣ.

Уже во время англійской революціи, а особенно съ возстановленіемъ Стюартовъ, мы можемъ замѣтить сильную тенденцію въ англійской наукѣ и политикѣ перенять у Голландцевъ тайну ихъ экономического цвѣтущаго состоянія. Это направлениe обозначилось въ англійской литературѣ политической экономіи цѣлою школою писателей, а во виѣшней дѣятельности — цѣльмъ рядомъ законовъ; и находится въ тѣсной связи съ цвѣтушимъ состояніемъ англійской торговли и со множествомъ другихъ экономическихъ вопросовъ; какъ, напримѣръ, вопросъ о понижениіи процентовъ, о свободѣ внутренней торговли, о предпочтеніи косвенныхъ налоговъ прямымъ и д. т. Большая часть писателей этого времени касалась всѣхъ этихъ вопросовъ въ одно время, и каждый решалъ ихъ по своему.

На Голландію, какъ примѣръ достойный подражанія, указывалъ еще Раллегъ, знаменитый государственный человѣкъ, экономъ, колонизаторъ и даже полководецъ своего времени, т. е. XVI столѣтія. Но собственно съ первой половины XVII ст. начинается вліяніе правилъ голландской политики на Англію и на англійскую политическую экономію. На первомъ мѣстѣ (по хронологическому порядку) въ ряду писателей, слѣдовавшихъ этому направлению, стоитъ Сэръ Томасъ Кэльпепперъ, извѣстный своими сочиненіями, направленными противъ высокихъ процентовъ, и которые произвели пониженіе процентовъ законныхъ до 8% и потомъ до 6% (¹).

(¹) Ниодно учрежденіе Англіи не подавало повода къ столькимъ переворотамъ, и не было такъ часто отмѣняемо и вновь возстанов-

Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ (*Tracts against the high rate of usury, 1623—1640*) онъ тѣсно связываетъ все благосостояніе страны, цвѣтущее положеніе торговли и мореплаванія, процвѣтаніе земледѣлія — съ понижениемъ процентовъ, ошибку, которую дѣлали многіе изъ его современниковъ. Во взглѣдѣ своемъ на торговлю Кольпепперъ принимаетъ теорію торговаго баланса, которая господствовала тогда у всѣхъ писателей его вѣка. Еще рѣзче выразилось это стремленіе къ подражанію Голландіи въ сочиненіяхъ знаменитаго писателя Іосіи Чайльда, написавшаго нѣсколько знаменитыхъ сочиненій. До нась здѣсь преимущественно касается сочиненіе его «*A new discourse of trade*» edition of 1668; 2-edition 1690. Его изложеніе причинъ

лямо, какъ проценты. Запрещенные до Генриха VIII, они были разрѣшены при немъ, но не выше 10%; вновь были запрещены Едуардомъ VI. Но слѣдствіемъ этого запрещенія было ихъ возвышеніе до 15%, ибо заимодавцы должны были подвергаться риску подпасть подъ строгій законъ. При Елизаветѣ они были вновь позволены, но опять не выше 10%, и этотъ законъ оставался дѣйствующимъ до 1624 г., въ которомъ они были понижены до 8%, а въ 1651 году до 6%. Въ продолженіи XVII стол. было еще нѣсколько попытокъ понизить ихъ, и съ этою цѣлью было написано сочиненіе И. Чайльда въ 1668 г., гдѣ онъ основаніемъ принимаетъ слѣдующее ложное изрѣченіе: «*The lowness of the rate of interest is the causa causans of all the other causes of the riches of a people* (Незначительность процентовъ есть causa causans всѣхъ другихъ причинъ богатства того или другаго народа). Въ царствованіе Анны королевы, проценты были понижены до 5, и наконецъ всякия постановленія о процентахъ уничтожены Викторіей, и такимъ образомъ опредѣленіе процентовъ при какомъ-либо заемѣ предоставлено было взаимному соглашенію заимодавца и должника (*Macculloch litterature, Maccauley history of England*).

богатства и экономического процвѣтанія Голландіи, какъ говорить Мэк-Коллохъ «дѣлаетъ честь большой его дальновидности (*discernement*)». Дѣйствительно, онъ писалъ свое сочиненіе объ Голландіи, какъ мы видѣли по годамъ, приведеннымъ выше, во второй половинѣ XVII ст., во время самаго цвѣтущаго положенія этой страны, когда въ порты ея приходили корабли изо всѣхъ почти странъ свѣта; это — было время апогеи голландскаго могущества, и вскорѣ она уже находилась на степени паденія и постепенного ослабленія. Описывая Голандію Іосія Чайльдъ указывалъ на участіе въ правленіи негоціантовъ, на природную экономію жителей, на сильное распространеніе въ ней математическихъ наукъ, на примѣрное устройство кредитныхъ банковъ и другихъ заемныхъ общественныхъ заведеній, на принятіе въ число гражданъ иностранцевъ, на быстроту оборота векселей, какъ на причины, производящія благосостояніе страны⁽¹⁾. Но здѣсь онъ сдѣлалъ важную ошибку, подобную той, которую мы замѣтили у Кольшеппера. А именно: онъ слѣдствіе богатства и благосостоянія Голландіи принялъ за причину: онъ говоритъ, что низкій процентъ есть *causa causans* всѣхъ другихъ причинъ народнаго богатства страны (стр. 68), и доказываетъ это положеніе, какъ исторіею Голландіи, такъ и исторіею развитія Англіи со времени пониженія въ ней законныхъ процентовъ (стр. 74). Въ слѣдствіе этого у него возникла полемика

(¹) Roscher. Zur Geschichte der englischen Nationalökonomie, стр. 38.

съ анонимнымъ авторомъ книги: «Interest of money mistaken», который понялъ ошибку Чайльда, и старался указать ему на истинный путь въ решеніи вопроса о причинахъ процвѣтанія Голландіи. Чайльдъ, увлеченныи доводами противника, сознался, что низкіе проценты подобны яйцамъ, которые суть въ одно и то же время и плодъ курицы, и причина ея существованія. Кромѣ вопроса о торговлѣ, который занимаетъ насъ въ настоящее время, сэръ Іосія Чайльдъ изобилуетъ и въ отношеніи другихъ вопросовъ, многими вѣрными и возвышенными взглядами; такъ относительно народонаселенія онъ представляеть, что колонизація никогда не можетъ быть невыгодна для государства; такъ онъ былъ первымъ горячимъ защитникомъ свободной торговли и свободы промышленности; онъ возстаєтъ противъ корпорацій, противъ опредѣленія закономъ числа мастеровъ, учениковъ и т. д.; онъ защищаетъ свободный вывозъ металловъ и свободный вывозъ вообще. Многія изъ его мыслей сохранили до нашихъ временъ силу положеній, и въ немъ отразилась вполнѣ та умѣренность и практичность англійскаго ума, по которой англійскіе ученые рѣдко увлекались крайностями и рѣдко впадали въ исключительность, господствовавшую почти всегда во Франціи. Знаменитое его изрѣченіе относительно неразрывной связи отраслей индустріи, что земля и торговля подобны двойникамъ, и всегда разцвѣтаютъ и увядаютъ въ одно время. (Land and trade are twius, and have allways andreever will wax and vane together: it cannot be ill with trade, but land will feel it, nor ill with land, b

trade will be it) показываетъ на сколько, по свѣтлости и глубинѣ своего взгляда, онъ былъ неизмѣримо выше Кольберта и физіократовъ, никогда не умѣвшихъ отказаться отъ односторонняго предпочтенія или одной, или другой изъ этихъ важныхъ отраслей народнаго хозяйства. Нѣтъ отрасли науки, которой бы онъ не коснулся, хотя бы слегка, и вездѣ онъ оставилъ для потомства какую-нибудь новую свѣтлую черту вездѣ вывелъ какую нибудь сторону. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи колонизаціи, онъ предвидѣлъ могущество Сѣверо-американскихъ штатовъ, которые тогда еще были англійскими колоніями, и на нихъ указалъ Англіи, какъ на будущихъ ея соперниковъ (стр. 428 — 433), и не безъ основанія Еденъ назвалъ его, признаннымъ оракломъ торговли; «*this acknowledged oracle of trade*» (State of the poor 1 — 187).

Гораздо меньшою проницательностью взгляда отличается англійскій дипломатъ и политико-экономъ сэръ Томасъ Темпль. Хотя взглядъ его на причины богатства Голландіи былъ, можетъ быть, еще обширнѣе, нежели взглядъ Чайльда; но за то касательно другихъ вопросовъ, какъ-то: вопроса о народонаселеніи, о торговомъ балансѣ, онъ скорѣе подходитъ къ французскимъ своимъ современникамъ ⁽¹⁾. Здѣсь онъ

(¹) Главными основаніями богатства народнаго въ Голландіи онъ полагаетъ густоту народонаселенія этой страны, которая (густота), по его мнѣнію, производить дѣятельность и прилежаніе народонаселенія, болѣе свойственную народному характеру экономію, разсчетливость, бережливость и другія. — *Massillon's literature*.

преимущественно склоненъ къ воззрѣнію Кольберта, и только, подобно солнечному лучу среди облачного неба, проходитъ у него свѣтлая мысль сквозь туманъ меркантилизма. Таковы слова его, по которымъ богатство народа зависитъ болѣе отъ труда людей, нежели отъ произведеній земли. Таково его изрѣченіе, что «время прилежнаго и работающаго народонаселенія есть самое лучшее достояніе каждой страны». Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ зерна той великой мысли, которой было суждено произвести переворотъ въ политической экономіи.

Черезъ годъ послѣ втораго изданія сочиненія эконома Чайлъда, т. е. въ 1691 г., издалъ свое сочиненіе сэръ Додлѣй Норѣ «Discourses upon trade». Это сочиненіе представляетъ стройную и полную систему свободной торговли. Онъ отличается отчетливымъ и добросовѣстнымъ знаніемъ своего предмета и доказываетъ, что если та или другая торговля выгодна для частныхъ лицъ, то должна быть непремѣнно выгодна для государства. «Въ торговлѣ», говоритъ онъ ⁽¹⁾, «весь свѣтъ составляетъ только одинъ народъ, а отдельныя націи составляютъ индивидуумы этого народа. Утрата торговли, хотя бы съ однимъ народомъ, должна считаться невыгодною для всего міра». Эти слова служать основаніемъ всей его теоріи; изъ нихъ онъ выводить, что было бы странно запрещать вывозъ металловъ, или повелѣвать ввозъ ихъ, преимущественно

⁽¹⁾ Въ своемъ предисловіи онъ излагаетъ главныя положенія своей книги, оттуда и выписываемъ эти слова.

передъ всѣми другими товарами; отсюда онъ доказываетъ и то, что если государство не будетъ беспокоиться объ своемъ запасѣ металлическихъ денегъ, тогда для частныхъ лицъ никакой не будетъ выгода въ исключительномъ ввозѣ металловъ предпочтительно передъ другими товарами. Далѣе, какъ во внѣшней торговлѣ, такъ и во внутренней, Нороѣ первымъ руководствующимъ правиломъ полагаетъ свободу. «Нѣтъ и не можетъ быть торговли невыгодной для государства», говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, «ибо если та или другая торговля называется невыгодною, то ее покидаютъ; гдѣ процвѣтаютъ негоціанты, тамъ процвѣтаетъ и все государство, котораго они составляютъ часть». — «Покровительство государства» говоритъ, онъ въ другомъ мѣстѣ, «въ пользу одной какой-либо отрасли торговли вредно для его выгодъ». Далѣе, «законы не могутъ установлять цѣны или таксы въ торговлѣ: они должны образоваться сами собою... Народъ обогащается посредствомъ мира и прилежанія; болѣе ничего не нужно для его богатства и торговли».

Такою же проницательностью отличается и взглядъ его на проценты. Здѣсь онъ понялъ ошибку своихъ предшественниковъ, Чайльда, Кольпеппера и др. и провозгласилъ, что не низкій процентъ производить и увеличиваетъ торговлю того или другаго народа, но торговля, увеличивающая народный капиталъ, производить низкій процентъ. Наконецъ, онъ первый, въ теченіи XVII вѣка, провозгласилъ, что опредѣленіе процента должно быть предоставлено взаимному соглашенію кредитора и должника, и что законы не могутъ

помѣшать процентамъ повышаться и понижаться согласно съ требованіями общества и времени. Вообще по свѣтлости и необыкновенной вѣрности взгляда, Норѣ можетъ занять самое видное мѣсто въ ряду предшественниковъ Адама Сміоа, а въ исторіи англійскихъ писателей по части торговли, онъ — первый открытый и громкій защитникъ свободы торговли, и притомъ въ такое время, когда обѣ ней не смѣли и думать.

На сколько Норѣ опередилъ своею теоріею все свое время, видно изъ того, что самые свѣтлые и проницательные умы, еще нѣсколько десятилѣтій спустя, могли подчиняться предразсудкамъ времени и строго держались устарѣвшихъ правилъ. Изъ числа ихъ были Джонъ Локкъ и Чарльсъ Дэвенентъ.

Джонъ Локкъ, — оказавшій столько услугъ англійской наукѣ вообще, и въ особенности политической экономіи, своимъ глубокимъ анализомъ, этотъ первый великий систематикъ политической экономіи, высказавшій много свѣтлыхъ и новыхъ мыслей касательно вообще народнаго богатства, который первый сказалъ, что трудъ человѣческій даетъ вещи ту или другую цѣнность, — не отличается однако же ни оригинальностью, ни даже вѣрностью своего взгляда на торговыя интересы государства. Онъ полагаетъ, что одинъ только такъ называемый торговый балансъ можетъ обогатить государства.

Точно такое же направленіе высказалъ эклектикъ Чарльсъ Дэвенентъ въ своемъ сочиненіи, которое можно отнести къ первому десятилѣтію XVIII столѣтія. Хотя Дэвенентъ и былъ самымъ горячимъ защитни-

комъ меркантилизма, но онъ былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ другихъ его защитниковъ. Такъ, онъ не считаетъ золото и серебро единственными богатствами для страны и писалъ противъ сильныхъ и рѣзкихъ запретительныхъ мѣръ. Замѣчательно, что тѣ свѣтлые мысли, которыя проникли въ его сочиненія, можно преимущественно встрѣтить въ послѣднихъ его сочиненіяхъ. Слѣдовательно, можно предполагать, что они были приняты имъ, когда его здравый смыслъ, подкрепляемый многолѣтнею практикою, восторжествовалъ надъ слишкомъ сильно укоренившимися въ умѣ его предразсудками. Отсюда объясняются нѣкоторыя противурѣчія, встречающіяся въ его сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ первомъ своемъ сочиненіи ⁽¹⁾, онъ доказываетъ весь вредъ, могущій произойти для государства, если оно допускаетъ въ торговлѣ свободу и самодѣятельность, «ибо», говорить онъ, «гдѣ люди будуть сообразоваться только съ своими интересами и выгодами, тамъ не можетъ быть пользы для государства». А въ послѣднемъ его твореніи, относящемся къ 1712 году ⁽²⁾, онъ высказалъ болѣе вѣрную мысль, по которой онъ совѣтуетъ оставить полную свободу торговлѣ, и что она сама должна найти себѣ дорогу.

Такое меркантильное направленіе господствовало, за немногими исключеніями, какъ въ политикѣ Англіи, такъ

⁽¹⁾ An essay ou ways and means of supplying the war, 1695.

⁽²⁾ Reports to the commissioners for putting in execution the act, entitled an act for the taking, examining and stating the public accounts of the kingdom. 1712.

и въ политической экономіи этого народа до второй половины XVIII столѣтія. Явленіемъ во внѣшней политикѣ и въ политической экономіи, поддержавшимъ это направленіе, былъ трактатъ съ Португаліею, заключенный въ 1703 году дипломатомъ англійскимъ М. Меєуеномъ⁽¹⁾. Трактатъ этотъ, основанный на самыхъ ложныхъ и превратныхъ правилахъ меркантилизма, имѣлъ, къ несчастію, огромное вліяніе на умы современные и на англійскую политику. Поддерживаемый знаменитымъ въ то время періодическимъ изданіемъ «The British Merchant» онъ успѣлъ оказать такое вредное дѣйствіе на всѣ умы, что другой трактатъ, заключенный съ Франціею въ 1713 году на болѣе либеральныхъ основаніяхъ, былъ отвергнутъ, и торговля съ Франціею еще долго оставалась въ глазахъ всей почти Англіи въ томъ же невыгодномъ свѣтѣ, въ которомъ она была поставлена Фортрейемъ. Въ эту эпоху либеральная комерческія правила нашли себѣ лишь слабаго защитника въ лицѣ Даніеля Дефу, а противуположное направленіе было постоянно провозглашаемо цѣльмъ

(1) Этотъ трактатъ состоялъ изъ двухъ статей: въ первой, португальскій король обязывался позволить ввозъ шерсти изъ Англіи; а во второй, Англія обязуется впускать къ себѣ португальскія вина, налагая на нихъ гораздо меньшую пошлину, нежели на французскія. Уже Юмъ и Адамъ Смієъ указывали на бѣдственныя послѣдствія для Англіи этого трактата. Она лишила себя этимъ самымъ торговли съ Франціею, которая долго, около 100 лѣтъ послѣ этого трактата, оставалась на незначительной степени развитія. И сверхъ того она обязалась пить дурнага вина Португаліи на цѣну болѣе дорогую, нежели вина французскія! Этотъ трактатъ оставался въ силѣ до 1832 года.

рядомъ меркантилистовъ, каковы: Чарльсъ Кингъ, издатель журнала «*The British Merchant*», Вилліамъ Вудъ, Іосифъ Джи (который отличается своимъ крайне ложнымъ взглядомъ на англійскую современную ему торговлю и предлагалъ самыя нерациональныя мѣры къ ея усовершенствованію). Джонъ Кэри (который разсуждалъ между прочимъ о томъ, «какая иностранная торговля выгодна и какая нѣтъ», и другими менѣе замѣчательными личностями.

Поворотъ къ лучшему направлению въ литературѣ торговли англійской былъ произведенъ въ первыхъ годахъ второй половины XVIII столѣтія, а именно сочиненіями Іосіи Токкера и философа Юма.

Первый публиковалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ цѣлый рядъ сочиненій, вполнѣ проникнутыхъ новыми идеями. Онъ сильно противустааетъ противъ разнаго рода монополій, привилегированныхъ компаний, корпорацій и т. д. Даље, онъ преслѣдуєть зависть, которая въ это время руководила всею почти англійскою торговлею. Онъ говорилъ, что» никогда одинъ народъ не можетъ препятствовать другому народу развивать въ себѣ мануфактурную промышленность; нѣтъ надобности изнурять другіе народы войнами, хотя бы даже эти войны и были побѣдоносны для Англіи. Солдатъ можетъ опустошить страну, крейсеръ можетъ остановить ея торговлю и нанести ей много вреда, но вѣчнымъ закономъ Провидѣнія будетъ, что только рука прилежнаго и трудящагося человѣка можетъ обогащать ту или другую страну, а отрицательныя дѣйствія, направлен-

ныя противъ противниковъ не принесутъ богатства той странѣ, которая разоряетъ своихъ сосѣдей.»

Сочиненія Юма о торговлѣ, торговомъ балансѣ, государственномъ кредитѣ и т. д. отличаются, какъ и всѣ другія его сочиненія, высокими достоинствами. Его взглядъ на международныя торговыя сношенія отличается новостью и положительностью. Онъ съ необыкновенною дальновидностью и съ рѣдкимъ искусствомъ выставилъ неосновательность предразсудковъ, господствовавшихъ тогда противъ свободной торговли съ Франціею. Къ этому же времени относится сочиненіе Деккера 1757 г., котораго можно считать въ числѣ самыхъ доблестныхъ противниковъ меркантилистовъ. Онъ провозгласилъ, что, желая посредствомъ запретительной системы повредить другимъ народамъ, Англичане вредятъ лишь только себѣ. Хотя основная мысль его, что англійская торговля находится въ эпохѣ упадка,—и невѣрна, но тѣмъ не менѣе его сочиненіе весьма замѣчательно, и не безъ основанія можетъ стать на ряду съ «Essay» Юма и съ «Treaties» Токкера.

Окончательное низверженіе правилъ и законовъ меркантильной системы однако же относится лишь только къ 1776 году, т. е. къ появленію знаменитаго «Опыта» Ад. Сміѳа. Всѣ, которыхъ умъ не былъ затмненъ предразсудками, или интересы которыхъ не лежали въ поддержаніи ложныхъ правилъ меркантилизма, всѣ съ радостью ухватились за теорію, которая такъ ясно и положительно доказывала, что всякое отступленіе отъ свободы въ торговлѣ служитъ ко вреду государства, и что монополія препятствуетъ успѣху истиннаго богатства

Англії. Адамъ Смієъ своимъ сочиненіемъ произвелъ дѣйствительно сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Англіи, и паденіе запретительной системы не только въ наукѣ, но и въ практикѣ было рѣшено въ умахъ всѣхъ и каждого. Но еще нѣсколько времени, частію по силѣ привычки, частію въ слѣдствіе невѣжественной апатіи многихъ, и по многимъ другимъ причинамъ, — правиламъ, нисровергнутымъ въ наукѣ, суждено было еще сохранить на практикѣ свое дѣйствіе. Питтъ былъ первый изъ государственныхъ мужей, который созналъ всю истину новой системы, и вскорѣ началась для нея блестящая и свѣтлая эпоха. Англійское законодательство и парламентскія пренія приняли новый неожиданный оборотъ; а въ литературѣ, какъ говорить Мэк-Коллохъ, уже не было болѣе рѣчи о торговомъ балансѣ и о мнѣніи Муна, какъ объ единственныхъ торговыхъ принципахъ, на которыхъ можно сослаться. Какъ долго однако же новыя правила не могли еще укорениться въ умѣ и сознаніи англійского общества, это видно изъ того, что въ 1785 г. Питту, несмотря на всѣ его старанія, не удалось ввести свободу торговли въ сношенія съ Ирландіею. Эта попытка, хотя и была поддерживаема въ литературѣ многими сочиненіями и статьями, однако же должна была пройти совершенно незамѣченою. Но уже большимъ шагомъ впередъ былъ новый трактатъ, заключенный между Англіею и Франціею въ 1785 году.

Попытка Наполеона повредить Англіи континентальною системою, возбудила въ англійской политической экономіи нѣсколько сочиненій, силившихся до-

казать независимость Англіи и ея могущества и богатства отъ торговли. Съ такимъ направленіемъ были писаны нѣкоторыя сочиненія экономовъ Вилліама Спенса, Кеббета; но они нашли себѣ талантливыхъ противниковъ въ Джемсѣ Миллѣ и въ полковникѣ Торренсѣ.

Эпохой полнаго торжества новыхъ идей можно считать третее десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія, когда въ въ 1820 году нѣсколько знаменитыхъ своею торговлею городовъ Англіи представили въ парламентъ просьбы о введеніи свободной торговли. Изъ нихъ самая замѣчательная есть просьба, представленная ногоціантами города Лондона, написанная знаменитымъ политико-экономомъ Тукомъ. Эта просьба дѣйствительно отличается рѣдкою вѣрностью и мѣткостью взгляда на экономическое положеніе Англіи и на всѣ условія и отрасли ея торговли. Всльдъ за тѣмъ, отъ 1823—27 года, Госкиссонъ произвелъ нѣсколько весьма смѣлыхъ переворотовъ въ англійской экономической политикѣ. Онъ началъ свою реформу, несмотря на закоренѣлые предразсудки и обычаи, съ монополіи судоходства; потомъ реформа перешла на уменьшеніе пошлинъ, наложенныхъ на шелковыя издѣлія, далѣе на измененіе привилегій, данной Остъ-индской компаніи, наконецъ на временное отмѣненіе запрещенія ввоза хлѣба. Но попытка политика Госкиссона не увѣничалась полнымъ успѣхомъ, хотя и была поддержана многими писателями и весьма талантливымъ послѣдователемъ Госкиссона Генрихомъ Парнелемъ; и послѣ смерти преобразователя, дѣло реформы пріостановилось.

Но первый шагъ уже былъ сдѣланъ, и вскорѣ на-

шлись достойные продолжатели начатаго дѣла. Въ 1838 году новыя идеи были громко провозглашены со всѣхъ сторонъ, и несмотря на препятствія, были вполнѣ прияты парламентомъ и произвели самый рѣшительный переворотъ. Открытая война старымъ началамъ и принципамъ была объявлена нѣкоторыми ветеранами либеральной школы, Борингомъ, Томпсономъ, Вилліамомъ Фоксомъ, къ которымъ присоединились: Кобденъ, Брайтъ, Паультонъ. Восемь лѣтъ продолжалась эта борьба, и талантливость, предпріимчивость и настойчивость защитниковъ лиги произвели коренную реформу въ Англіи. Робертъ Пиль не побоялся склониться на ихъ сторону, и въ 1846 году законъ противъ ввоза хлѣбовъ былъ уничтоженъ. Эта реформа повела за собою паденіе всей покровительствующей системы, которой законъ этотъ служилъ основаніемъ...

Такимъ образомъ Англія не только успѣла разрушить меркантильную систему, но на развалинахъ ея она съумѣла создать мало по малу новую, болѣе благородную систему свободной торговли и единства интересовъ всѣхъ націй. Она и въ наукѣ, и въ практикѣ научила народы Европы смотрѣть другъ на друга не враждебными глазами исключительности, но глазами братской любви и взаимной связи интересовъ всѣхъ народовъ.

Вопросъ о населеніи долженъ былъ занять англійскихъ политико-экономовъ не менѣе вопросовъ о колонизаціи и о торговлѣ. Населеніе, какъ главный и самый важный элементъ въ экономическихъ явленіяхъ, конечно долженъ былъ заинтересовать политическую эконо-

мовъ, и различные фазы въ жизни народа должны были имѣть важное вліяніе на судьбы самой науки. Какъ производство, такъ и потребленіе главнымъ образомъ имѣютъ своими двигателями народонаселеніе, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, оно играетъ главную роль. Съ другой стороны, съ раннихъ поръ появившаяся и съ каждымъ годомъ увеличивающаяся густота населенія Англіи должна была озабочивать наблюдательный умъ ея политico-экономовъ. Особенности судьбы англійского народа, дѣйствіе, оказанное на него многими явленіями всемірной исторіи, вліяніе на богатство его торговли, колонизаціи, судьба бѣднаго рабочаго класса, Реформація и тѣ послѣдствія, которыя она имѣла въ англійскомъ народѣ, раздѣленіе и войны, произведенные частію ею, а частію самимъ правительствомъ, — вотъ вопросы, которые должны были постоянно представляться наблюдателямъ и должны были постоянно давать новое направленіе вопросамъ объ томъ, что народонаселеніе Англіи богатѣетъ или бѣднѣетъ, увеличивается или уменьшается въ численномъ своемъ количествѣ.

Вопросъ о населеніи и излишней густотѣ населенія Англіи почти съ самаго начала политической экономіи въ Англіи занималъ и озабочивалъ писателей и преимущественно знаменитыхъ колонизаторовъ. Мы уже выше видѣли, что многие изъ нихъ, какъ-то: Гильбертъ, Пекамъ, Карлайлъ выставляли увеличивающуюся бѣдность населенія и количество праздныхъ и бѣдныхъ людей. Увеличившаяся въ XVI столѣтіи дороговизна припасовъ произвела самыя бѣдственныея явленія во

всѣхъ странахъ Европы. Она застигла Германію и Францію уже въ первыхъ годахъ XVI столѣтія, но улеглась зато въ восьмидесятыхъ. Въ Англіи эта дороговизна появилась около половины XVI ст., но зато конецъ этого тяжкаго состоянія относится къ гораздо позднѣйшимъ временамъ, а именно къ началу XVII столѣтія. Причину этого явленія можно искать въ различныхъ экономическихъ явленіяхъ вѣка. Главною причиной этого вздорожанія припасовъ безъ сомнѣнія былъ слишкомъ обильный ввозъ серебра и другихъ металловъ, произшедши отъ открытія Америки. До Америки въ Европѣ не было много драгоцѣнныхъ металловъ и потому за небольшое количество серебра или золота можно было купить большое количество другихъ товаровъ, слѣдовательно золото и серебро было дорого, а иными словами припасы жизненные были дешевы. Когда же начался наплывъ металловъ изъ Америки, то ихъ сдѣлалось гораздо болѣе, и слѣдовательно серебро и золото должно было упасть въ цѣнѣ, т. е. за гораздо большее количество ихъ можно было получить меньшее количество другихъ товаровъ, нежели прежде. Такимъ образомъ серебро и золото сдешевѣло, а иными словами, жизненные припасы и вообще всѣ другія вещи и предметы мѣны повысились въ цѣнѣ. Слѣдовательно, эта дороговизна жизненныхъ средствъ вовсе не зависѣла отъ улучшенія или вздорожанія средствъ производства, но чисто отъ паденія цѣны металловъ благородныхъ. Но однако же это паденіе цѣны металловъ не было единственою причиной вздорожанія съѣстныхъ припасовъ, ибо замѣчено, что въ Италіи и Фран-

ціи металлы упали въ цѣнѣ гораздо ранѣе половины XVI столѣтія, а наплывъ серебра и золота изъ Америки начался не ранѣе 1545 года съ открытія Потози⁽¹⁾. Слѣдовательно, кромѣ наплыва серебра и золота причиною бѣдственнаго явленія можно считать и выходъ государствъ Европы изъ состоянія тяжкаго усыпленія среднихъ вѣковъ, который можно считать *causa causans* другихъ явленій времени, какъ-то перемѣны значенія денегъ, которые считались до сихъ поръ лишь только какъ представители капиталовъ, а теперь получили болѣе живой и быстрый оборотъ; возникновеніе кредита и быстрое его развитіе въ Италіи, Голландіи и Англіи, развитіе и болѣе быстрый оборотъ векселей и другихъ денежныхъ суррогатовъ. Сэръ Вальтеръ Релейгъ былъ первый, который высказалъ серьезное опасеніе объ излишнемъ населеніи Англіи, и выраженія его напоминаютъ часто Мальтиуса, по крайней мѣрѣ такого мнѣнія Мэк-Коллохъ. Рошеръ приводить одно мѣсто изъ него, гдѣ дѣйствительно слова его очень напоминаютъ Мальтиуса: «Количество и число людей такъ велико», говорить онъ, «что если бы войны и болѣзни ихъ не уничтожали цѣльми тысячами, то земля со всею человѣческою промышленностью не могла бы прокормить ихъ всѣхъ.» Голодъ, эпидеміи, войны — считаетъ онъ средствами, употребляемыми природою для уменьшенія или ограниченія числа народонаселенія. «И пото-

(1) Потози, городъ въ Перу, знаменитый рудниками веисчерпаемыми. Въ горѣ Cerro-Potosi четыре рудника: Descubridora или Centerio il Estagno, la Rica, la Mendieta; 2,000 работн.

му», говорить онъ, «правительство какой-нибудь страны, когда извиняется крайнею необходимостью при объявленіи войны, часто говорить правду, болѣе нежели само это думаетъ.» Причиною сильно развившейся и постоянно увеличивающейся бѣдности Англіи онъ полагаетъ законъ маіоратства, по которому множество младшихъ сыновей оставалось въ крайней бѣдности, безъ капиталовъ, занятій и средствъ жизни. Въ первой половинѣ XVII столѣтія увеличившаяся колонизація Англіи возбудила у многихъ ученыхъ мнѣніе, что эта колонизація служила ко вреду англійского народонаселенія, уменьшая его численное количество. Но это ложное мнѣніе было опровергнуто и низложено Чайльдомъ. «Наше народонаселеніе», говоритъ Чайльдъ, опровергая Рожера Кока, писавшаго о бѣдственномъ положеніи торговли Англіи, «будетъ всегда находиться въ прямомъ отношеніи съ средствами своего существованія, т. е. съ занятіями, которыя мы въ состояніи доставить себѣ. Если Англія могла бы содержать только 100 человѣкъ, а въ дѣйствительности это число возрасло бы до 150, то 50 лишнихъ должны бы были погибнуть или оставить родину и безъ колоній.» ⁽¹⁾ Всѣ почти ученые XVII столѣтія находятся на одной и притомъ незначительной степени развитія идей, касающихся народонаселенія. Какъ Петти, такъ и Локкъ и Дэвенентъ безусловно признавали выгоду густаго народонаселенія, и потому совѣтовали давать награды отцамъ многочис-

(¹) Эти слова Чайльда приводить Рошеръ, выписывал ихъ изъ «A new discourse of trade», by Sir Josiah Child. — 1690.

ленныхъ семействъ, давать свободный входъ иностранцамъ въ государство и облегчать ихъ принятіе въ составъ гражданъ. Но расчеты ихъ были крайне невѣрны: такъ напримѣръ Петти, знаменитый политico-ариометикъ, считалъ, что въ 1842 году населеніе всей Англіи будетъ простираться до 10,917,389 человѣкъ; а Дэвенентъ расчиталъ, что черезъ 600 лѣтъ оно не будетъ превышать 11 миллионовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что весь XVII вѣкъ былъ бесплоденъ для обработки вопроса о народонаселеніи, и собственно съ Франклина начинается развитіе той мысли, которая должна была получить столь полное и стройное развитіе въ умѣ Мальтюса и его преемниковъ. Въ 1751 году появилось небольшое сочиненіе «*Observations, concerning the increase of mankind, peopling the counties &c. by Benjamin Franklin.*» Авторъ въ этомъ сочиненіи отличается, какъ вездѣ, своимъ сжатымъ, яснымъ, выразительнымъ слогомъ и своимъ смѣтливымъ и проницательнымъ взглядомъ на вещи. Онъ излагаетъ законы увеличенія или уменьшенія народонаселенія страны съ необыкновенною ясностью: Во-первыхъ онъ отдѣляетъ городское населеніе отъ сельскаго, и говоритъ, что законы и наблюденія надъ движениемъ одного неприложимы къ другому. Далѣе, увеличеніе народонаселенія, по его мнѣнію, зависитъ отъ количества браковъ, а количество послѣднихъ отъ степени богатства и благосостоянія народа. Города, говорить онъ далѣе, не такъ благопріятны большому числу браковъ, какъ земли, населенные хлѣбопашцами. Причину онъ полагаетъ въ томъ, что въ городахъ средства жиз-

ни не такъ вѣрны, и человѣкъ долго еще долженъ устанавливать свое положеніе, а уже потомъ обыкновенно и женится. Потомъ онъ противуполагаетъ Европу Америкѣ — странѣ малонаселенной и мало обработанной, и въ послѣдней находитъ болѣе условій для размноженія населенія; ибо (говорить онъ) въ Америкѣ земли достаточно и хлѣбопашецъ улучшаетъ посредствомъ труда свое положеніе и, работая для своего пропитанія, онъ видитъ въ землѣ вѣрный залогъ своего существованія и будущаго благоденствія; потому этотъ земледѣлецъ женится ранѣе Европейца, который долгимъ путемъ долженъ доработаться до того, чтобы можно было ему дать пропитаніе своей будущей семьѣ. Основываясь на этомъ, онъ полагаетъ ходъ увеличенія населенія вдвое быстрѣе, нежели увеличеніе населенія Америки. Такъ, онъ полагаетъ, что если въ Европѣ на 100 человѣкъ бываетъ одинъ бракъ, то въ Америкѣ — два, и если отъ этого брака въ Европѣ произойдутъ круглымъ числомъ 4 дѣтей, то въ Америкѣ 8. Поэтому онъ пророчитъ Америкѣ, что черезъ столѣтіе (это сочиненіе написано въ 1750 году, слѣдовательно въ 1850) ея народонаселеніе будетъ превосходить народонаселеніе Англіи; и мы видимъ на дѣлѣ, что предсказаніе его сбылось. Кромѣ вышеприведенныхъ условій приращенія населенія, онъ считаетъ также полезнымъ переселеніе иностранцевъ и приращеніе территоріи, увеличеніе торговли, распространеніе просвѣщенія, и такъ далѣе. Напротивъ онъ не признаетъ полезными столь часто употребляемые и совершенно укоренившіеся въ Европѣ за-

коны льготные въ пользу многочисленныхъ семействъ, рannихъ браковъ и. т. д.

Условій, дѣйствующихъ на уменьшеніе народонаселенія страны онъ насчитываетъ шесть: 1) завоеваніе страны воинственнымъ завоевателемъ; 2) потеря территории, что онъ доказываетъ примѣромъ Бритовъ; 3) потеря торговли; 4) потеря какой-нибудь отрасли промышленности; 5) дурное управлѣніе и невѣрность собственности; 6) введеніе рабства; ибо они лишаютъ работы бѣдную часть населенія свободнаго, владѣніе сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, которые отвыкаютъ отъ труда, предаются лѣности и порокамъ. Наконецъ, колонизацію онъ не считаетъ вредною для государства, и утверждаетъ, что всегда потеря вскорѣ будетъ вознаграждена, и народонаселеніе всегда будетъ *увеличиваться сообразно съ средствами пропитанія*.

Сэръ Джемсъ Стюартъ ⁽¹⁾, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ лишь весьма слабымъ предшественникомъ Адама Смиѳа, и мало представляетъ оригинальныхъ и свѣтлыхъ мыслей, въ отношеніи къ народонаселенію выражаетъ множество свѣтлыхъ истинъ и излагаетъ понятія весьма вѣрныя; понятія, которыя вошли, безъ сомнѣнія, въ книгу Мальтиоса и должны были непремѣнно вліять на образованіе въ его умѣ великихъ законовъ населенія.

Въ 1780 и 1781 году возникъ знаменитый споръ

⁽¹⁾ An Inquiry into the principles of Political Economy; being an essay on the science of domestic Policy in Free Nations. 2-vol. ls 4 t. London. 1767.

между Прайсомъ съ одной стороны, и Уэллэсомъ и М. Голетомъ съ другой, о томъ, что населеніе Англіи падаетъ ли, или увеличивается? Этотъ весьма важный вопросъ былъ въ подробности изслѣдованъ съ обоихъ сторонъ, но результаты были совершенно противуположны. Прайсъ ⁽¹⁾ утверждалъ, что, начиная съ начала англійской революціи, народонаселеніе Англіи уменьшалось до 1780 года, въ которомъ онъ писалъ свое разсужденіе. Голетъ ⁽²⁾, который прославилъ себя своими добросовѣстными изысканіями во многихъ сферахъ политической экономіи ⁽³⁾, и здѣсь употребилъ много усилий и представилъ за 20 лѣтъ сравнительные табели рожденій и смертей большаго количества церквей, въ различныхъ мѣстахъ лежащихъ, и вывелъ, что народонаселеніе Англіи увеличилось значительно, а именно: Прайсъ предполагаетъ, что оно уменьшилось отъ 6 миллионовъ до 4; а Голетъ доказываетъ, что въ современное ему время въ Англіи до 8 миллионовъ, слѣдовательно вдвое болѣе противъ цифры, показанной Прайсомъ. Этотъ споръ возбудилъ всеобщее вниманіе, и парламентъ по своимъ официальнымъ даннымъ призналъ показаніе Голета справедливымъ.

Послѣднимъ наконецъ предшественникомъ Мальтюса былъ Іосифъ Таунсендъ, имѣвшій большое вліяніе

(¹) An Essay on the population of England. 1780.

(²) An examination of Dr. Price's Essay of the population of England and Wales. By the Rev. John Howlett 1781.

(³) Онъ писалъ, кромѣ этого, о торговлѣ хлѣбомъ и о состояніи бѣдныхъ въ Англіи, и др.

на великаго изслѣдователя своими сочиненіями. Сочиненіе его «*Disertation on the Poor laws. By the well-wisher of mankind*», кроме вѣрнаго взгляда на законъ о бѣдныхъ и вообще на пауперизмъ въ Англіи, представляетъ изложеніе закона народонаселенія, въ высшей степени замѣчательное по вѣрности взгляда и талантливости автора. Изъ незначительного факта, населенія небольшаго острова Хуанъ Фернандезъ козами, онъ выводить законъ о населеніи и ходъ его развитія съобразно съ средствами пропитанія. Именно, онъ разсказываетъ, что Фернандезъ населилъ небольшой островъ козломъ и козою; что эта пара плодилась и размножалась, пока доставало ей пропитанія и богатыхъ пастбищъ; но когда стало уже мало мѣста, то они начинали уменьшаться и вымирать. Къ этому присоединились болѣзни, эпидеміи; и когда какое-нибудь бѣдственное явленіе истребляло часть ихъ, то остальные, которымъ становилось свободнѣе, вновь были счастливы и благоденствовали; но опять они размножались, и голодъ вновь ожидалъ ихъ — увеличивающееся съ новою силою — число. Испанцы, которыхъ корабль былъ выброшенъ на берегъ этого острова, отѣзжая опять, оставили на немъ двухъ собакъ. Разнородные жители не могли жить въ мирѣ и вскорѣ число собакъ начало размножаться въ ущербъ козамъ. Послѣдня должны были скрываться въ неприступныхъ горахъ, и только украдкою сходили въ долины для пропитанія. Отсюда произошло, что только лишь самыя сильныя и бойкія собаки могли находить себѣ пищу въ козахъ, а слабыя должны были умирать съ голоду. И

козы также существовали лишь въ небольшомъ количествѣ, и притомъ лишь однѣ смѣлые и отважные могли добывать себѣ пищу. «Такова судьба всего живущаго», говоритъ Таунсендъ. Народонаселеніе той или другой страны, по его мнѣнію, никогда не находится въ состояніи неперемѣнномъ. Оно должно постоянно или увеличиваться или уменьшаться. Увеличивается оно, когда земля представляетъ обильныя средства для его пропитанія. Уменьшается, когда въ средствахъ жизни чувствуется недостатокъ. Если голодъ или эпидемія истребила часть его, то остальная чувствуетъ опять довольство и вновь размножается. — Такимъ образомъ мы видимъ, что великий законъ уже началъ разъясняться мало по малу, и что Таунсендъ созналъ его довольно ясно, но онъ позабылъ, что люди, кромѣ естественного инстинкта, общаго со всѣми животными, обладаютъ еще разумомъ, который руководить ихъ дѣйствіями, и что кромѣ средствъ пропитанія, представляемыхъ страною, люди обладаютъ возможностью перевозить ихъ съ другихъ мѣстъ посредствомъ торговли, и что этотъ способъ гораздо вѣрнѣе и неистощимѣе.

Наконецъ въ 1798 году появилось сочиненіе, которому было суждено оказать большое вліяніе на политическую экономію всѣхъ странъ Европы и пріобрѣсти надолго огромный авторитетъ въ вопросѣ о населеніи — то было *An Essay on the principle of Population, as it affects the future improvement of society.* By the rev. T. R. Malthus. Основная идея была уже изложена другими писателями до Мальтюса, а именно: что безъ всякихъ побудительныхъ средствъ населеніе

всегда будетъ стремиться достигнуть числа, сообразнаго съ средствами пропитанія. Но онъ пошелъ далѣе: онъ утверждалъ, что стремленіе его клонится къ тому, чтобы превзойти средства жизни, и потому увеличеніе его должно быть удержано самою массою народа посредствомъ нравственнаго стѣсненія и другими средствами. Населеніе стремится къ удвоенію въ продолженіи 25 лѣтъ, говорить онъ, и если невозможна доставка достаточныхъ средствъ пропитанія, то голодъ, бѣдность и нищета покрываютъ страну.

Мальтюсъ своимъ учениемъ основалъ цѣлую школу, и послѣдователи его дошли до того, что утверждали, что развитіе народонаселенія вредно для умственнаго и промышленнаго развитія народа, — мысль чрезвычайно превратная. Но Мальтюсъ важенъ тѣмъ, что возбудилъ и обратилъ общее вниманіе на вопросъ о народонаселеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что оно довольно сильно, чтобы умножаться безъ разныхъ побудительныхъ законовъ.

Теорія Мальтюса возбудила дѣятельность англійскихъ и французскихъ писателей противъ себя. Преимущественно замѣчательные его противники находятся въ числѣ французскихъ писателей, и потому мы ихъ не будемъ разматривать. Но между англійскими политико-экономами были также многіе, весьма дѣально и основательно ему возражавшіе — писатели. Такъ въ XIX столѣтіи Годунинъ, Эверетъ, Энсоръ, Сомнеръ и наконецъ Карэ. Годунинъ изложилъ съ юдкимъ сарказмомъ несправедливости и ошибки Мальтюсова взгляда и самъ представилъ гораздо болѣе мягкія и человѣко-

любивыя правила. Сомнерь напаљ на Мальтюса со стороны христіанскаго чувства и доказалъ, что законъ увеличенія народонаселенія находится въ полномъ соотношениі къ Божественной премудрости и благости. Карэ посвятилъ цѣлую главу въ своихъ «Principles of Political Economy», вопросу о населеніи и старался опровергнуть Мальтюса, но не всегда удачно. Честь опроверженія Мальтюсовой системы принадлежитъ французскимъ ученымъ новаго времени, и теперь нѣкогда великій законъ о геометрической пропорціи въ увеличеніи народонаселенія теряетъ все болѣе и болѣе свою силу и авторитетъ.

Такимъ образомъ я старался показать развитіе въ англійской политической экономіи нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, для того, чтобы показать на дѣлѣ, какъ обширно развилась эта наука въ Англіи и какихъ великихъ дѣятелей она насчитываетъ между учеными этого народа. Но то же богатство можно замѣтить въ обработываніи всѣхъ другихъ вопросовъ политической экономіи. Безчисленны были писатели, обработавшіе вопросы о пауперизмѣ, о банкахъ, о различныхъ налогахъ, о финансахъ и множествѣ другихъ; цѣлья науки о политической ариѳметикѣ, о теоріи застрахованія основаны и разработаны почти исключительно въ Англіи. Большею частью побудительными причинами къ разработкѣ того или другаго вопроса служили — то развитіе въ Англіи кредита, то образование ужаснаго государственного долга, то раннее развитие пауперизма и множество практическихъ вопросовъ, которые вели постоянно къ болѣе и болѣе богатому и

многостороннему изученію науки, наиважнѣйшей для процвѣтанія и развитія народовъ, — науки о богатствѣ. Наука политической экономіи начало свое въ Англіи можетъ возводить къ половинѣ XVI столѣтія; слѣдовательно она развивается въ этой странѣ уже болѣе трехъ столѣтій, — древность, до которой политическая экономія не восходитъ ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Италіи; а Мэк-Коллохъ въ своей литературѣ политической экономіи насчитываетъ до 650 писателей, — богатство, котораго не видимъ ни у одного народа.

Передъ этимъ изумительнымъ числомъ изслѣдованій какое значеніе могутъ имѣть и ясность французскихъ ученыхъ, и систематическая глубокая критика германцевъ и остроуміе итальянцевъ, хотя и эти народы не мало принесли пользы общему развитію политической экономіи?

A. K — №.

